

К-14038

П307637



ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

266'84

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И СТРАНАХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

»ВИЩА ШКОЛА«

1 р. 30 к.

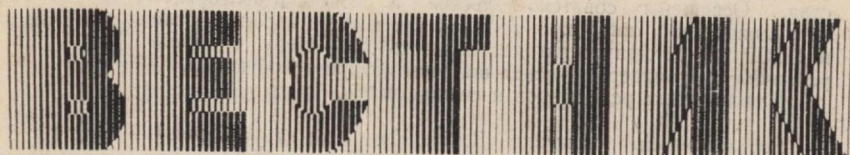
Вестн. Харьк. ун-та, 1984, № 266, 1—120.



COMMUNICATIONS
TO THE
GOVERNMENT OF THE
UNITED STATES

3

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР



ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 266

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И СТРАНАХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Основан в 1964 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1984

В вестнике рассмотрены актуальные вопросы социалистического и коммунистического строительства в СССР, в частности развитие крестьянской поземельной общины на Украине в доколхозный период, деятельность Советов Харьковщины по проведению административно-территориальной реформы, изменения в численности и составе рабочего класса УССР в годы первой пятилетки и др. Ряд статей посвящен проблемам истории развитого социалистического общества. Освещены советско-польское и советско-болгарское сотрудничество, влияние социалистического строительства в СССР на политическую деятельность Дж. Неру, а также различные историографические вопросы исторической науки.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: В. И. Кадеев (отв. ред.), Ю. А. Голубкин (отв. секр.), А. Е. Кучер, Г. Н. Попов, И. К. Рыбалка, И. Л. Шерман

Ответственный за выпуск В. И. Кадеев

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета (протокол № 11 от 14 декабря 1982 г.)

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, госуниверситет, исторический факультет, тел. 40-17-78

Редакция гуманитарной литературы

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 266

Социалистическое и коммунистическое строительство
в СССР и странах социалистического содружества

Редактор Л. А. Копецкая
Художественный редактор В. Е. Петренко
Технический редактор Л. Т. Ена
Корректор Л. М. Забродина

Н/К.

Сдано в набор 12.06.84. Подп. в печать 30.11.84. БЦ 09332. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. 7,5 печ. л. 7,75 кр.-отт. 9 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 1161. Заказ 897. Цена 1 р. 30 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

В 0501000000—096

М 226(04)—84

Центральный научно-исследовательский
библиотечный фонд ХДУ

К-14038 © Харьковский государственный
университет, 1984

В. В. КАЛИНИЧЕНКО, канд. ист. наук

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА НА УКРАИНЕ В ДОКОЛХОЗНЫЙ ПЕРИОД

Крестьянская поземельная община — это объединение непосредственных производителей на основе совместного пользования землей при индивидуальном ведении хозяйства членами данного объединения. Община возникла в эпоху первобытно-общинного строя и прошла долгий и сложный путь развития. Последний этап ее существования в нашей стране приходится на доколхозный период в жизни советской деревни.

Работы С. П. Трапезникова, В. П. Данилова, В. Я. Осокиной положили начало изучению общины в Советской стране в доколхозный период ее существования [6; 11; 15]. Однако эти работы написаны в основном по материалам РСФСР. Исследования, посвященного крестьянской поземельной общине в 1917—1929 гг. на Украине, нет. Отдельные вопросы данной темы рассматриваются в работах В. П. Данилова, С. П. Трапезникова и др. [5; 6; 9; 15].

В советской историографии сложились две точки зрения о месте и роли общины в СССР при подготовке сплошной коллективизации. Так, С. П. Трапезников считает, что изменения в характере общины после Октябрьской революции, новые черты в ее развитии превратили общину в опорный пункт социалистического преобразования сельского хозяйства [15, с. 390]. Согласно точке зрения В. П. Данилова, община в целом не изменила своей природы, поэтому не могла стать переходной ступенью к сплошной коллективизации [6, с. 134]. Что касается места и времени существования общины на Украине, то в одних работах указывается на ее существование здесь только в дореволюционное время [16, с. 175], в других — на повсеместное преобладание общины в доколхозный период [6, с. 107]. Обе точки зрения слишком категоричны в оценке места и роли общины.

Цель статьи — дать характеристику крестьянской поземельной общины, определить ее место и роль в жизни доколхозной деревни на Украине.

В начале XX в. в результате развития капитализма в сельском хозяйстве община находилась в состоянии глубоко зашедшей классовой дифференциации и разложения. Как отмечал

В. И. Ленин, «кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин» [1, т. 17, с. 87]. Он дал всестороннюю характеристику общине. С одной стороны, она оставалась архаической и полукрепостнической, поддерживала традиции косности, забитости, одичалости, имела фискально-полицейский характер [1, т. 6, с. 344]. С другой стороны, в ходе революции 1905—1907 гг. община была использована крестьянами как «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы» [1, т. 16, с. 398]. В ходе столыпинской аграрной реформы в России количество крестьянских дворов в общине уменьшилось с 77,2% в 1905 г. до 67—73% в 1916 г. [6, с. 105—106], а на Украине, по данным Наркомзема УССР, соответственно с 43 до 24% [21, ф. 27, оп. 8, д. 31, л. 12; оп. 9, д. 701, л. 12]. На Украине в отличие от России община не являлась основной формой крестьянского землепользования. В 1917 г. она существовала в Степи, а на Левобережье — в основном на Харьковщине и местами в Черниговском полесье. На Правобережье община исчезла в XVI в. при проведении волочной реформы. К 1917 г. как остатки некогда существовавшей здесь общины сохранились сервитуты (угодья совместного с помещиками общего пользования) и альменда (угодья общего крестьянского пользования — сенокосы, выгоны, леса) [4, с. 20]. На Полтавщине и в южной части Черниговщины, где в XVII — XVIII вв. развивалось казацкое землевладение на подворном праве, община отмерла к началу XIX в. Сохранилась альменда [9, с. 62].

В дореволюционной России распорядительные органы общины помимо земельных выполняли также функции низшей общественно-административной единицы — сельского общества. В литературе иногда отождествляют сельское общество с поземельной общиной [6, с. 107]. Применительно к России, где повсеместно была распространена община, подобное отождествление не приводит к путанице. Однако на Украине, где сельское общество существовало и в местностях, не знавших поземельной общины, аналогия неправомерна.

После Октябрьской революции функции низшей административной единицы передали сельсовету, сельские общества упразднили, реакционные, фискально-крепостнические черты общины ликвидировали. Крестьянская поземельная община действительно стала свободным союзом равноправных пользователей национализированной земель. По Земельному кодексу УССР 1922 г. в деревне учреждались земельные общества [7, с. 9], которые в отличие от сельских не имели никаких административных функций. Они образовывались, как сказано в «Примерном уставе земельного общества», «для проведения в жизнь прав крестьян на трудовое пользование земель» [8, с. 3]. Следует отметить, что на Украине право на землю крестьянин мог осуществить только в составе земельного об-

щества, а в России — и вне его [7, с. 4; 12, с. 157]. Согласно Земельному кодексу УССР, форма землепользования в земельном обществе могла быть общинной, участковой, товарищеской, смешанной [7, с. 13]. Поэтому на Украине в отличие от России не все земельные общества выполняли функции поземельных общин. Их обязанности совпадали только при наличии общинной формы землепользования.

Земельное общество с общинной формой землепользования имело следующие функции: наблюдало за полным и правильным использованием земельных угодий, не разрешая хищнического хозяйствования или запустения; устанавливало и изменяло порядок пользования различными угодьями; решало вопросы землеустройства и общей пастбы скота; устанавливало общественный или принудительный севооборот; распоряжалось свободными земельными участками [8, с. 5, 11]. Таким образом, в доколхозном селе община как объединение землепользователей проявляла себя только тогда, когда осуществляла свое право регулировать пользование землей, т. е. как форма землепользования. Именно в таком аспекте и рассматривается крестьянская поземельная община в данной статье.

В литературе отмечается, что в ходе революционных аграрных преобразований 1917—1923 гг. наблюдался процесс оживления общинной формы землепользования [15, с. 384; 6, с. 103—107; 9, с. 65]. Площадь земель общинного землепользования возросла в РСФСР с 73—75 до 98—99%, а количество дворов крестьян-общинников с 67—73 до 98% [6, с. 103—108]. На Украине, по отчетам окрземуправлений, общинная форма землепользования в середине 20-х годов охватывала 26,2% крестьянских земель, а количество дворов общинников возросло с 24% в 1917 г. до 28,6% в 1925 г. [21, ф. 27, оп. 9, д. 701, л. 12]. Община стала господствующей формой в некоторых степных (Днепропетровском, Запорожском, Сталинском, Луганском, Артемовском, Старобельском) и левобережных (Изюмском, Сумском) округах, где она занимала от 50 до 85% крестьянских земель. Однако она не возродилась в правобережных (Белоцерковском, Бердичевском, Волынском, Винницком, Каменецком, Коростенском, Киевском, Могилевском, Проскуровском, Тульчинском, Черкассском, Шепетовском) и в большинстве левобережных (Кременчугском, Нежинском, Лубенском, Полтавском, Прилукском, Роменском) округах. Мало того, в Глуховском и Николаевском округах ее удельный вес снизился, а в Уманском и Черниговском округах она полностью исчезла [21, ф. 27, оп. 6, д. 529, л. 2—71]. Общинная форма землепользования не стала преобладающей в доколхозном селе на Украине. Однако в литературе указывается на ее повсеместное преобладание в начале 20-х годов [6, с. 107—108].

В данном случае исследователи не приняли во внимание различия между общиной и земельным обществом в условиях УССР.

Оживление общины на Украине в ходе революционных аграрных преобразований имело временный характер. Как свидетельствуют материалы обследования форм землепользования инспекторами Наркомзема УССР за 1925 г., экономические факторы стимулировали переход крестьянства от общинной к более интенсивным формам землепользования [20, ф. Р-847, оп. 1, д. 27, л. 4; 21, ф. 27, оп. 5, д. 348, л. 529; оп. 4, д. 244, л. 56; оп. 6, д. 529, л. 66—79]. Однако отметим, что процесс отмирания общинной формы землепользования в доколхозной деревне отличался внутренней противоречивостью. Если в целом на Украине удельный вес данной формы землепользования сократился с 26,2% в 1924 г. до 26% в 1929 г., а в степных округах (Артемовском, Запорожском, Криворожском, Луганском, Днепропетровском, Сталинском, Старобельском) с 78—85 до 25—70%, то в некоторых округах продолжался ее рост (в Харьковском с 36 до 67,4%, в Изюмском с 62 до 68,1%, в Купянском с 49,5 до 78,5% от общей площади крестьянского землепользования) [21, ф. 27, оп. 6, д. 529, л. 2—79; оп. 10, д. 701, л. 12, 134]. Как правило, это имело место в тех селах, где трудящееся крестьянство еще не изжило иллюзий общинно-передельческих тенденций [20, ф. Р-203, оп. 1, д. 773, л. 45—46; 21, ф. 27, оп. 5, д. 348, л. 64, 489, 529]. В 20-е годы земельные органы нередко отмечали формальный переход крестьянства к общине, поскольку при данной форме землепользования Земельный кодекс разрешал проведение уравнительных переделов земли. При других формах переделы запрещались. После передела крестьяне фактически пользовались землей в подворно-участковой форме. Так, по данным Наркомзема УССР, из 3779 земельных обществ, которые в 1926 г. перераспределили земли по разверсточным единицам, только 1461 общество приняло общинную форму землепользования, а 2318 обществ продолжали пользоваться землей в подворно-участковой форме [21, ф. 27, оп. 8, д. 1400, л. 2]. Таким образом, это был формальный переход к общине.

Советское законодательство демократизировало органы управления общиной. Ее высшим органом, как и раньше, являлся сход. Но теперь в нем имели право принимать участие не только домохозяева, как до революции, а все землепользователи, достигшие 18 лет [7, с. 8]. Сход решал все вопросы, касающиеся поземельной деятельности общины. В период между сходами текущие дела выполняли уполномоченные по земельным делам или правление общества [8, с. 10—11]. Если земельное общество, в том числе с общинной формой землепользования, совпадало в своих границах с сельсоветом, то обязанности выборных органов общины исполнял сельсовет [7, с. 4].

Каждый общинник имел права на равную часть земли из надела общества и на участие в совместном пользовании неразделенными угодьями (выгонами, лесами и др.) [8, с. 7]. Наблюдался своеобразный компромисс индивидуального и общественного пользования землей. Этот дуалистический характер общинной формы землепользования и был первопричиной противоречивых тенденций в ее развитии.

Право общинника на равную часть земли из общего надела общины осуществлялось путем периодических уравнильных переделов земли по разверсточным единицам. Прежде всего подвергались уравнильной разверстке полевые пахотные земли, составлявшие 66—70% общинных земель на Украине [13, с. 98]. Как правило, применялся следующий способ распределения земли: каждое поле севооборота делили на части по качеству земли, затем на гоны по расстоянию до села. Путем жеребьевки в каждом гоне общиннику указывали его полосу. Надел общинника, таким образом, состоял из большего или меньшего количества полосок, чересполосно расположенных с другими наделами.

В период революционных аграрных преобразований в большинстве мест наблюдались ежегодные переделы земли. Это неблагоприятно отражалось на состоянии полеводства. Поэтому после завершения аграрной революции Земельный кодекс ограничил время переделов тремя севооборотами (при господствовавшем трехполье — это девять лет) [7, с. 17]. В обществах, где не было стабильных севооборотов, Наркомзем УССР установил 12-летний срок общих переделов земли [21, ф. 27, оп. 5, д. 289, л. 368]. Досрочные переделы допускались только при проведении землеустройства, введении улучшенного севооборота или переходе общества к другой форме землепользования. Однако положение советских органов об ограничении времени переделов, прежде всего в обществах с общинной формой землепользования, проводилось в жизнь с большими трудностями. Судя по отчетам окрземуправлений, в 1923—1925 гг. переделы земли осуществлялись в Мелитопольском, Мариупольском, Старобельском, Запорожском, Сталинском, Павлоградском и других округах, где была распространена община [21, ф. 27, оп. 6, д. 529, л. 2—79; оп. 5, д. 348, л. 26, 31, 189]. Это подтверждают также материалы инспектирования хода землеустройства в 1926—1927 гг. в Старобельском, Павлоградском, Харьковском, Артемовском округах [21, ф. 27, оп. 6, д. 499, л. 3, 64, 149; оп. 5, д. 348, л. 95; оп. 9, д. 701, л. 42]. Община прежде всего заботилась об уравнивании землепользования отдельных общинников как в качественном, так и в количественном отношении. Это была ее основная функция. В этом заключалась главная причина частых переделов земли крестьян-общинников. Инициатива досрочных переделов земли, как правило, исходила от малоземельных крестьян,

которые таким образом пытались увеличить свое землепользование. В середине 20-х годов досрочные переделы земли проводились в Конотопском, Елизаветградском и других округах [21, ф. 27, оп. 6, д. 525, л. 39, 44].

Создание устойчивости крестьянского землепользования являлось необходимым условием возрождения и развития сельского хозяйства республики. Поскольку постоянные переделы земли нарушали интересы не только зажиточной части крестьянства, но и середняков, а главное, не избавляли от нищеты и кулацкой кабалы бедноту, партийные и советские органы повели решительную борьбу с практикой самовольных переделов земли. Во второй половине 20-х годов количество подобных переделов заметно сократилось, однако окончательно ожить это явление доколхозной деревни не удалось.

Основной разверсточной единицей при переделах пахотных земель в общинах Украины являлся едок. Так, по сведениям отдела землеустройства Наркомзема УССР, в 20-е годы 75% крестьянских дворов при переделах земли применяли данную единицу [21, ф. 27, оп. 9, д. 811, л. 13]. В более многоземельных районах Украины (Старобельском, Луганском, Сталинском, Мариупольском, Николаевском, Херсонском, Первомайском, Одесском округах) в 1925—1929 гг. при переделах земли применялись и другие разверсточные единицы — двор, рабочая сила [21, ф. 27, оп. 5, д. 116, л. 56; оп. 6, д. 529, л. 53; оп. 8, д. 1347, л. 1—37; д. 1349, л. 1—155; д. 1350, л. 40—259]. Установление подобных единиц разрешалось «Примерным уставом земельного общества с общинным порядком землепользования», утвержденным Наркомземом УССР в 1926 г. [21, ф. 27, оп. 7, д. 22, л. 39].

На Украине при распределении сенокосов в общинах применяли два способа. В одних случаях сено скашивали всем обществом, а затем по жребию делили копны, учитывая при этом качество сена. В других случаях ежегодно делили сенокос по разверсточным единицам (принятым при разверстке пахотных земель), учитывая при этом качество травы и расстояние до села [20, ф. Р-92, оп. 1, д. 447, л. 130—145]. В 20-е годы излишек или недостаток усадебных земель крестьян-общинников, как правило, выравнивали за счет полевых наделов. Остальными угодьями общинники пользовались сообща. Сход регламентировал порядок их использования (количество скота на выпасе, порядок рубки леса, кошения камыша, сбора хвоста) [8, с. 9—10; 21, ф. 27, оп. 7, д. 22, л. 39].

Общинная форма землепользования являлась одной из самых отсталых форм крестьянского землепользования на Украине. Переделы земли нарушали стабильность землепользования и не давали возможности крестьянину вести рациональное хозяйство. Недостатком общины было также абсолют-

ное преобладание отсталого трехполья [14, с. 26]. Способ распределения земли в общине, как неоднократно указывали агрокорреспонденты Наркомзема УССР, существенно тормозил введение улучшенного севооборота [10, с. 18]. Следствием общинного распределения являлась мелкополосица, чересполосица, а в многоземельных общинах и дальнотемелье. Поэтому, как постоянно отмечали земельные органы УССР в 20-е годы, община была одним из тормозов в развитии сельского хозяйства республики [19; 20, ф. Р-847, оп. 1, д. 94, л. 5; д. 27, л. 58, 65; 21, ф. 27, оп. 4, д. 244, л. 56; оп. 8, д. 31, л. 12, 22]. Кроме того, уравнильные переделы не спасали общинное крестьянство от классового расслоения. При общинной форме землепользования достигалась большая нивелировка в земельных отношениях, чем при других индивидуальных формах, но сохранялась дифференциация крестьянства по скоту и инвентарю.

Коммунистическая партия и Советское государство, не допуская администрирования по отношению к общине, всесторонне помогали крестьянству переходить от общинной к более прогрессивным формам землепользования, прежде всего к коллективной. В этой связи характерен циркуляр Одесского губземуправления от 30 декабря 1924 г.: «Всеми средствами влияния стремиться к введению рациональных форм землепользования. На первом месте ставить коллективную форму, на втором — подворно-участковую, которая обеспечивает стабильность в землепользовании... и, наконец, на третьем месте — общинную форму» [21, ф. 27, оп. 5, д. 302, л. 425]. В 1925—1927 гг. положение циркуляра активно проводилось в жизнь на Одещине [21, ф. 27, оп. 9, д. 700, л. 49]. Аналогичные решения принимали земельные управления других округов Украины, о чем свидетельствуют результаты землеустройства. Если в 1926 г. 34,1% крестьянских землеустраиваемых хозяйств предпочли общинную форму, то в 1928 г. — только 14,9% [3, с. 6]. Вместе с тем в 20-е годы партийные и советские органы Украины оказывали непрерывное воздействие на эволюцию общины, на ее внутренние процессы (расселялись многодворные общины, прекращались бесхозяйственные переделы, вводились общественные севообороты) [20, ф. Р-847, оп. 1, д. 26, л. 36; 21, ф. 27, оп. 9, д. 701, л. 43; оп. 7, д. 22, л. 8; оп. 5, д. 205, л. 63—106].

Курс партии на коллективизацию сельского хозяйства, принятый на XV съезде ВКП(б), имел огромное значение для дальнейшей эволюции поземельной общины. В резолюции съезда «О работе в деревне» указывалось: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперации и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.)... Следить за тем, чтобы при проведении землеустройства интересы беднейших

слоев обеспечивались и при самом отводе земли (качество, расположение и т. п.)» [2, с. 67].

С 1928 г. на Украине земельные органы начали упразднять общинный способ жеребьевки при распределении угодий и вводить классовый принцип: беднякам земля отводилась около села с учетом возможностей коллективизации, общинникам, объединившимся в тозы, наделы отводили вместе, кулакам земля распределялась в последнюю очередь на дальних и худших по качеству участках [21, ф. 27, оп. 9, д. 701, л. 42—43]. При проведении землеустройства в 1927—1928 гг. земельные органы республики усилили работу по расселению многодворных общин и образованию выселков. По материалам отдела землеустройства Наркомзема УССР было расселено 28,7 тыс. дворов общинников, т. е. в два раза больше, чем за шесть предыдущих лет [21, ф. 27, оп. 9, д. 13, л. 97]. В годы, предшествовавшие сплошной коллективизации, 7,5% земельных обществ с общинной формой землепользования ввели общественные севообороты, что облегчало в дальнейшем их переход к коллективному хозяйству [21, ф. 27, оп. 7, д. 22, л. 8]. Определенное распространение получила контрактация посевов крестьян-общинников [18]. Важное значение для проведения классовой линии в общинных делах имели юридическое подчинение в 1927 г. земельных обществ, в том числе с общинной формой землепользования, местным Советам, лишение кулаков права голоса на сельских сходах и права быть избранным в органы управления общества [21, ф. 1, оп. 3, д. 1772, л. 7]. Согласно «Общим началам землепользования и землеустройства», принятым 15 декабря 1928 г. ЦИК СССР, «сельсоветы получали право приостанавливать выполнение решений схода общества, если они противоречили советскому законодательству, задачам кооперирования и интересам бедноты» [12, с. 300—306].

Однако сдвиги, происходившие в общине под влиянием мер, предпринятых партийными и советскими органами, не изменили природу большинства поземельных общин. Судя по материалам служебной записки Укрколхоза в орготдел ВУЦИК от 17 октября 1929 г. к коллективной форме землепользования перешло только 242 земельных общества с общинной формой [21, ф. 1, оп. 5, д. 490, л. 19]. Если учесть, что в республике насчитывалось около 40 тыс. земельных обществ (из них с общинной формой не менее 10 тыс.) [21, ф. 27, оп. 9, д. 698, л. 144], то следует признать, что их роль в коллективизации была незначительной. Это отмечают и другие исследователи [17, с. 239—240]. Земельная община была неоднородной по своему классовому составу, что препятствовало ее превращению в коллективное хозяйство. Общинная форма землепользования соответствовала интересам крестьян-общинников, веду-

щих единоличные хозяйства, и действовала до тех пор, пока существовали эти хозяйства. Не форма землепользования создавала систему хозяйствования, а система хозяйства создавала свою форму землепользования. Коллективы — новая форма хозяйствования — создали свою форму землепользования. Не переход земельных обществ с общинной формой землепользования на устав тоза, а выдел общинников из состава земельного общества и образование колхозов на общинных землях — вот что более характерно для землеустройства в 20-е годы [20, ф. Р-847, оп. 1, д. 26, л. 51; 21, ф. 27, оп. 5, д. 350; оп. 6, д. 529, л. 40; оп. 4, д. 244, л. 56; оп. 7, д. 55, л. 19].

В ходе сплошной коллективизации поле деятельности поземельной общины как организации единоличного крестьянства резко сузилось. На смену общинной форме шла коллективная. В то же время накал классовой борьбы на селе в этот период требовал упразднения общинной организации всего крестьянства, изоляции кулачества и его ликвидации как класса. Поэтому в районах, где насчитывалось более 50% крестьянских дворов, объединенных в колхозы, земельные общества, в том числе с общинной формой землепользования, ликвидировались [21, ф. 27, оп. 9, д. 698, л. 214, 239], а их функции, по постановлению ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г., передавались сельсоветам [12, с. 465—466]. Община была не в состоянии решать новые задачи, поставленные Коммунистической партией и Советским государством перед сельским хозяйством. Она была исторически обречена. В результате сплошной коллективизации крестьянская поземельная община, как и другие индивидуальные формы землепользования, прекратила свое существование.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, 16, 17. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4, 587 с. 3. Белонін М., Гаража М. Характеристика землевпорядження на Україні. Харків, 1928. 18 с. 4. Веронін А. Сільськогосподарське районування Волині. Житомир, 1925. 123 с. 5. Громенко І. Е. Земельні громади України (1927—1929 рр.). — УІЖ, 1972, № 9, с. 99—102. 6. Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976, вып. 6, с. 102—134. 7. Земельный кодекс УССР. Харьков, 1923. 31 с. 8. Зразковий статут земельної громади. (Для земельних громад з громадським розпорядком землекористування). Херсон, 1926. 15 с. 9. Калиниченко В. В. Влияние революционных аграрных преобразований на формы крестьянского землепользования Левобережной Украины (1917—1923 гг.). — Вестн. Харьк. ун-та, 1982, № 225, с. 60—69. 10. Основные черты техники и организации крестьянского хозяйства Украины. Харьков, 1925. 123 с. 11. Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920—1933. М., 1978. 176 с. 12. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917—1954. М., 1954. 719 с. 13. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. 340 с. 14. Сельское хозяйство Украины. Харьков, 1923. 232 с. 15. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 1. 567 с. 16. Українська радянська енциклопедія. К., 1979. Т. 3. 552 с. 17. Чмига А. Ф. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.). Очерки

истории. М., 1974. 320 с. 18. *Комунист*. Орган ЦК КП(б)У, 1929, 30 септ. 19. *Красное знамя*. Ежедневная газета губкома КП(б)У и губисполкома Черниговщины, 1922, 4 апр. 20. *Харьковский облгосархив*. 21. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 26.11.82.

В. Н. ШЕЙКО, канд. ист. наук,
В. П. ЛИТВИНОВА, канд. ист. наук

**ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УССР
(1921 — 1925)**

После Великой Октябрьской социалистической революции перед Советским государством встала проблема привлечения дореволюционной интеллигенции к социалистическому строительству. «Вопрос о буржуазных специалистах, — подчеркивал В. И. Ленин в докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. — стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде. Это очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму» [1, т. 38, с. 165]. В его решении Коммунистическая партия и Советское государство руководствовались ленинской концепцией рационального использования культурного наследия, доставшегося от капитализма. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, — учил В. И. Ленин, — и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и их в головах» [1, т. 38, с. 55].

Культурно-просветительная работа являлась одним из важнейших каналов, по которому Коммунистическая партия и Советское правительство осуществляли вовлечение старой интеллигенции в общественно-политическую жизнь страны, в культурное строительство, способствуя тем самым ее перевоспитанию.

До последнего времени история культурно-просветительной работы дореволюционной интеллигенции в восстановительный период на Украине не стала предметом специального исследования. По сути только начинается изучение влияния этой деятельности на процесс вовлечения старых специалистов в строительство социализма [4, 5].

Вот почему авторы данной статьи, используя материалы периодической печати 20-х годов, архивные документы, впервые вводимые в научный оборот, ставят задачей показать, с одной стороны, формы и степень участия художественной

интеллигенции в работе культурно-просветительных учреждений республики, с другой — влияние этого участия на процесс ее перевоспитания, сближения с пролетарским государством.

Ленинская концепция борьбы за интеллигенцию получила дальнейшее развитие и конкретизацию во многих документах партии и правительства, в частности в решениях VIII съезда РКП(б), в резолюции «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе на селе» [2, с. 48—49, 80—83], в обращении Наркомпроса УССР (1920 г.) к работникам культурного фронта, в циркуляре ЦК КП(б)У (май 1921 г.) всем парторганизациям «О привлечении и использовании специалистов» [6, 1921, № 1, с. 24] и др. В них определены формы и методы работы со старыми специалистами, подчеркнута важность культурно-просветительного фронта в борьбе за интеллигенцию [9, ф. 166, оп. 1, ед. хр. 937, л. 197].

Коммунистическая партия и Советское правительство Украины смогли широко развернуть работу по вовлечению различных отрядов старой интеллигенции, в том числе и художественной, в социалистическое строительство лишь в период восстановления народного хозяйства. К этому времени на Украине окончательно утвердилась Советская власть, несколько стабилизировалась материальная база культурного строительства, появились острая потребность и реальная возможность для решения этой проблемы.

Введение новой экономической политики вызвало, как известно, оживление мелкобуржуазной идеологии, обострение классовой борьбы. Поэтому в резолюции X съезда РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии» особо подчеркивалась важность воспитательной и культурно-просветительной работы среди населения [2, с. 242]. На это же указывалось в директивах Пленума ЦК КП(б)У по национальному вопросу, где отмечалось, что украинская контрреволюция, потерпевшая поражение в открытом бою с пролетариатом и крестьянством, стремилась овладеть культурной жизнью республики [6, 1922, № 12/20, с. 24, 26].

Культурно-просветительная деятельность интеллигенции, в том числе и художественной, среди населения республики осуществлялась преимущественно с помощью профсоюзных организаций и учреждений. Важную роль в этом направлении играл Союз работников просвещения и культуры, насчитывавший в 1923 г. 12226 чел. [9, ф. 2708, оп. 2, ед. хр. 2, л. 71]. В начале восстановительного периода в Союз входила и художественная интеллигенция. Культурно-просветительная работа мастеров литературы и искусства концентрировалась вокруг Домов работников просвещения и искусств (позднее — Домов просвещения), Домов ученых, клубов искусства, красных уголков и пр. Дома работников просвещения и искусства начали создаваться по постановлению СНК УССР от 13 марта

1922 г. [3, 1922, № 12, с. 203]. К середине 1923 г. их насчитывалось 36 [9, ф. 2717, оп. 1, ед. хр. 60, л. 22, 57]. В Харькове был организован Центральный Дом работников просвещения и искусства [3, 1922, № 12, ст. 203].

Наиболее распространенными формами культурно-просветительной и общественно-политической деятельности художественной интеллигенции в Центральном и губернских Домах работников просвещения и искусства были кружки политграмоты и художественной самодеятельности, вечера, посвященные важнейшим историческим, общественно-политическим событиям, юбилейным датам жизни выдающихся представителей литературы и искусства.

Особенно активно участвовала художественная интеллигенция в работе Харьковского Дома работников просвещения и искусства. С ее помощью в ноябре 1923 г. был подготовлен вечер, посвященный Л. Н. Толстому. На вечере, собравшем свыше 300 чел., с докладами выступили видные профессора—знатоки творчества выдающегося русского писателя. Не меньший интерес у общественности вызвал и вечер народной музыки с участием ансамбля им. В. В. Андреева. Всего в ноябре—декабре 1923 г. Харьковский Дом работников просвещения и искусства организовал с помощью художественной интеллигенции 11 вечеров искусств [9, ф. 2717, оп. 1, ед. хр. 60, л. 378—380].

В 1924 г. культурно-просветительная деятельность художественной интеллигенции в рамках Харьковского Дома работников просвещения и искусства активизировалась. Были проведены вечера, посвященные памяти В. И. Ленина, народной песне, проводились клубные вечера, работали различные кружки [9, ф. 2717, оп. 1, ед. хр. 82, л. 378, 396, 409]. Аналогичную работу проводили Дома ученых республики. В 1925 г. по инициативе научно-художественных сил Одессы был организован пролетарский университет, где читался цикл лекций по вопросам литературы и искусства [8, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 1268, л. 39].

Во второй половине восстановительного периода культурно-просветительная деятельность художественной интеллигенции протекала преимущественно в рамках Союза работников искусств, выделившегося в самостоятельное профсоюзное объединение. Это способствовало активизации губернских отделений Союза (губрабис), которые включали в свой состав артистов, музыкантов, мастеров изобразительного и кинематографического искусства.

Наиболее ярко культурно-просветительная деятельность губрабисов проявилась в шефской работе среди красноармейцев. Если в начале восстановительного периода профсоюзные организации художественной интеллигенции на средства культурфонда нанимали для ведения культурно-просветительной шефской работы среди красноармейцев художественные группы,

которые обслуживали незначительное количество воинских частей, и к тому же не на должном уровне, то начиная с 1924 г. Союз работников искусств переходит к принципу массового участия своих членов в этой работе.

По инициативе художественной интеллигенции Харькова в июле—сентябре 1924 г. в Доме Красной Армии для воинских частей было дано 15 спектаклей и концертов, которые собрали в совокупности 25-тысячную аудиторию красноармейцев [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 28, л. 26].

Аналогичная работа осуществлялась и другими губрабисами республики. Донецкий губрабис, насчитывавший к середине 1924 г. 1176 членов, осуществлял массово-художественную работу через 96 культурно-просветительных учреждений. В многочисленных ячейках губрабиса были организованы кружки политграмоты, способствовавшие активизации общественной деятельности художественной интеллигенции, особенно среди красноармейцев. С мая по сентябрь 1924 г. для них было дано 46 концертов и спектаклей, выделено 28 тыс. бесплатных билетов на всевозможные зрелищные мероприятия, во многих воинских частях организованы кружки художественной самодеятельности и красные уголки [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 111, л. 10—11, 15]. Подольский губрабис в мае—ноябре 1923 г. дал несколько спектаклей и концертов для красноармейцев, собравших более четырех тысяч зрителей, выделил 9700 билетов в театры, кино и на концерты [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 92, л. 4, 46]. Несмотря на бедственное материальное положение художественной интеллигенции, Подольский губрабис истратил на нужды культурного шефства в 1923 г. 25 716 р. [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 84, л. 123 об.]. Мастера литературы и искусства Екатеринослава, Киева и других городов республики принимали участие в ликвидации неграмотности, в кампаниях по сбору средств для оказания помощи немецким рабочим.

Советская власть в борьбе за интеллигенцию придавала большое значение решению таких вопросов, как ликвидация среди нее безработицы, повышение профессионального уровня, улучшение материального положения. Под руководством местных советских и партийных органов губрабисы сделали немало в этом направлении. Екатеринославский губрабис в октябре — декабре 1923 г. организовал 14 концертов и 15 спектаклей для сбора средств в фонд безработных специалистов, изыскал возможность для трудоустройства некоторых из них. С ноября 1923 г. по январь 1924 г. количество безработных специалистов в губернии уменьшилось с 288 до 196 чел. [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 112, л. 22]. Для них была организована касса взаимопомощи, выделен дом под квартиры [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 111, л. 10, 15]. Харьковский губрабис в марте—октябре 1924 г. выделил для оказания помощи безработным

мастерам литературы и искусства 1237 р. [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 28, л. 26, 57]. В период с апреля по сентябрь 1924 г. зарплата художественной интеллигенции республики возросла на 41,3% [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 112, л. 10, 15].

Коммунистическая партия и Советское правительство Украины, исходя из ленинских указаний о том, что буржуазную интеллигенцию необходимо «победить, переделать, переварить, перевоспитать...» [1, т. 41, с. 101], уделяли много внимания политико-воспитательной работе среди нее. Значение этой работы особенно возросло в восстановительный период, когда с введением нэпа оживилась мелкобуржуазная идеология. Об этом, в частности, шла речь в постановлении СНК УССР от 19 февраля 1921 г. «О направлении деятельности Наркомпроса с целью овладения просветительным делом» [3, 1921, № 3, ст. 84]. В ряде документов КП(б)У, прежде всего в циркуляре от 7 февраля 1923 г. «О поднятии политуровня учителя и усилении Союза Рабпрос» [7, 1923, 16 февр.], деятельность Наркомпроса была конкретизирована. По инициативе ЦК КП(б)У, при поддержке Наркомпроса УССР, профсоюзов и при широком участии общественности кампания по политической и профессиональной переподготовке, развернувшаяся сначала на просветительном фронте, в 1923 г. охватила всю республику и все отряды интеллигенции [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 28, л. 383]. Об этом свидетельствуют материалы деятельности профсоюзов работников искусств республики. Так, Харьковский губрабис в конце 1923 и в 1924 г. особое внимание уделял ликвидации политнеграмотности и повышению профессионального уровня художественной интеллигенции. Кружки политграмоты действовали в оперном и драматическом театрах, во всех художественных учебных заведениях города, во Всеукраинском кинофотоуправлении.

Кружки и курсы политграмоты для интеллигенции работали под руководством и при непосредственном участии партийных организаций. Лекторами, руководителями кружков, как правило, были партийные работники [9, ф. 2717, оп. 1, ед. хр. 60, л. 54—56]. Мероприятия партии и правительства по ликвидации политической неграмотности и повышению профессионального уровня старой интеллигенции способствовали ее сближению с рабочим классом, Советской властью, трансформации ее взглядов от буржуазных и мелкобуржуазных к марксистско-ленинским, активизации общественной деятельности. Об этом, например, свидетельствуют материалы Харьковского губрабиса и его 57 низовых ячеек. В 1924 г. харьковская художественная интеллигенция активно участвовала в различных всесоюзных и республиканских кампаниях: по вовлечению интеллигенции в общество «Доброхим», помощи в борьбе с туберкулезом, помощи жертвам интервенции, безработным мастерам литературы и искусства. Она работала в многочисленных комиссиях по

ликбезу, подготовке и приему в художественные учебные заведения [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 28, л. 26, 28, 57].

В системе мер, направленных на перевоспитание старой художественной интеллигенции, важное место отводилось проведению культурно-просветительной работы непосредственно среди мастеров литературы и искусства. Центрами этой работы стали губернские клубы работников искусств, которые занимались организацией массово-политических мероприятий, кружковой, экскурсионной работой, проведением вечеров, посвященных важным политическим событиям. Наиболее интересную работу проводил Центральный клуб Всерабиса (Одесса), деятельность которого особенно активизировалась в конце рассматриваемого периода. С сентября 1925 по январь 1926 г. число его постоянных членов возросло с 511 до 776. За это время в клубе было прочитано более 50 докладов и лекций по различным вопросам экономики, политики и культуры, организовано 55 массово-политических мероприятий. В клубе работало 12 кружков, в которых активно участвовали 282 представителя интеллигенции. Наибольшей популярностью пользовались кружки политграмоты, профдвижения, хоровой, музыкальный. При Центральном клубе Всерабиса была организована библиотека-читальня, привлекавшая более 400 постоянных читателей. Об участии художественной интеллигенции в культурно-массовой работе клуба говорит, в частности, рост числа его посетителей: с 3500 в сентябре 1925 г. до 7200 чел. в январе 1926 г. [9, ф. 2708, оп. 1, ед. хр. 442, л. 21, об.—23].

Таким образом, массово-политическая и культурно-просветительная деятельность художественной интеллигенции Украинской ССР развивалась в двух направлениях: среди широких кругов трудящихся и красноармейцев и среди самой интеллигенции. В первом случае она осуществлялась с помощью разнообразных форм эстетико-художественного воспитания и активизации художественно-самодетельного творчества, во втором — предусматривала ознакомление с политическим и хозяйственным строительством страны, овладение методологией марксизма-ленинизма, активизацию художественно-массовой работы.

По мере вовлечения старой художественной интеллигенции в строительство социализма менялись формы и методы идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы с ней Коммунистической партии. Если после гражданской войны культурно-просветительная деятельность интеллигенции носила характер культурничества, была слабо связана с актуальными проблемами восстановительного периода, то в последующие годы положение изменилось. Планомерно и глубоко изучая теорию марксизма-ленинизма, интеллигенция начинает на практике применять полученные знания.

В период восстановления народного хозяйства, несмотря на огромные политические и экономические трудности, Коммунистической партии и Советскому правительству Украины удалось улучшить материальное положение мастеров литературы и искусства, наладить политико-воспитательную работу в их среде, активизировать их общественную деятельность. Это способствовало вовлечению интеллигенции в социалистическое строительство. Уже к концу восстановительного периода не только укрепилось деловое, профессиональное сотрудничество старой художественной интеллигенции с рабочим классом, но и была заложена основа ее политического сотрудничества с Советской властью.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, 41. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. 543 с. 3. *СУ УССР*. 4. Литвинова В. П. Про ставлення буржуазної технічної інтелігенції України до Великої Жовтневої соціалістичної революції. — Питання історії народів СРСР. Харків, 1976, вип. 21, с. 35—43. 5. Шейко В. М. Організація культурно-освітньої справи на Україні. — УІЖ, 1975, № 10, с. 142—150. 6. *Известия ЦК КП(б)У*. 7. *Коммунист. Орган ЦК Компартии Украины*. 8. *Партархив* Института истории партии при ЦК Компартии Украины. 9. *ЦГАОР УССР*.

Поступила в редколлегию 16.11.82.

В. М. ДУХОПЕЛЬНИКОВ, канд. ист. наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ХАРЬКОВЩИНЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ГУБЕРНИИ (1921—1925)

После Октябрьской революции назрела необходимость в замене старого, сложившегося еще в XVIII в. административно-территориального деления, которое не учитывало экономическое, социальное и культурное развитие страны. Губернские уездные и волостные правления были проводниками самодержавно-крепостнической политики царизма и осуществляли исключительно полицейские и налоговые функции. Еще в 1913 г. В. И. Ленин писал: «Ясно, как день, что не может быть и речи ни о какой, сколько-нибудь серьезной местной реформе в России без уничтожения этих делений...» [1, т. 24, с. 147].

В первые годы Советской власти были осуществлены частичные изменения административного деления, которые обуславливались появлением новых промышленных центров, а также потребностями лучшего обслуживания населения. Кроме того, создание на местах многочисленных органов власти при

вело к неоправданному расширению административного аппарата, породило серьезные трудности в управлении и решении хозяйственных вопросов.

Данная проблема нашла определенное освещение в советской исторической и юридической литературе. В монографии Б. М. Бабия [7], статьях А. А. Недуха [8; 9] и Ф. К. Стояна [12] показаны организаторская роль Коммунистической партии в проведении реформы на Украине, ее ход и результаты, определено место округа и района в системе нового административного деления. Однако такие аспекты проблемы, как деятельность Советов отдельных регионов республики по проведению реформы, сокращение и укрепление административного аппарата местных органов власти и другие, остались вне поля зрения исследователей.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать работу местных Советов Харьковской губернии по организации и проведению нового административного деления.

Подготовительная работа по проведению реформы на Украине, на наш взгляд, началась в феврале 1920 г., когда при Народном комиссариате внутренних дел была создана административно-территориальная комиссия. Ее задачей являлась разработка общих принципов нового районирования республики. На основе этих принципов уже в 1920 г. в состав Донецкой губернии вошел Славянский уезд и ряд волостей Купянского и Изюмского уездов Харьковской губернии [3, 1920, ст. 122]. В июне 1920 г. комиссия при НКВД удовлетворила ходатайство жителей Бекеевской волости Лебединского уезда Харьковской губернии о переводе их волости в Ровенский уезд Полтавской губернии. Хутор Диптаны Замостянской волости вошел в состав Змиевской волости Змиевского уезда [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 124, л. 4, 23, 33]. Котелевский волостной съезд Советов 4 февраля 1921 г. обратился в губисполком и НКВД с ходатайством перевести Котельву в разряд уездных городов и образовать Котелевский уезд [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 477, л. 201—216]. Всего с июня 1920 г. по июнь 1921 г. в уездные и губернский исполкомы, а также в НКВД было направлено свыше 150 различных ходатайств жителей Харьковской губернии о пересмотре территориальных границ [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 123, ед. хр. 390, ед. хр. 476, ед. хр. 477].

Народный комиссариат внутренних дел, учитывая отсутствие точных данных волостного и уездного деления, в октябре 1920 г. направил в губернии циркулярное письмо*. Местным исполкомам губернских и уездных городов рекомендовалось приступить к созданию административно-территориальных комиссий. Исходя из указания В. И. Ленина о необходимости упорядочения границ «на основании учета самим местным

* В сентябре 1921 г. это письмо было направлено повторно.

населением хозяйственных и бытовых условий...» [1, т. 24, с. 58], комиссии должны были пересмотреть поволостные границы.

Президиум Харьковского губисполкома 27 июня 1921 г. принял решение создать губернскую административно-территориальную комиссию в составе председателя (заведующий губернским отделом управления) и членов (представители продгубкома, губсоюза, губсовнархоза, губстатбюро, губвоенкомата и губземотдела). Научное руководство деятельностью комиссии осуществляло научное бюро, возглавляемое профессором Харьковского института народного хозяйства П. Н. Фоминым [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 476, л. 4]. Аналогичные комиссии создавались и в уездах.

По предложению комиссии 25 ноября 1921 г. губисполком рекомендовал местным административно-территориальным комиссиям «приступить к пересмотру и сокращению волостных территориальных единиц» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 476, л. 21]. На необходимость пересмотра территориального деления и сокращения расходов на содержание административного аппарата указал также VI губернский съезд Советов (декабрь 1921 г.). Съезд рекомендовал губисполкому сократить количество волостей с 232 до 200 и одновременно сократить количество сельских Советов [10, с. 7]. Губернская административно-территориальная комиссия 29 декабря 1921 г. приняла решение расформировать экономически слабый Чугуевский уезд [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 476, л. 12]. Делегаты волостных съездов Советов Чугуевского уезда, состоявшихся 17 и 22 января 1922 г., единодушно поддержали предложение административно-территориальной комиссии [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 897 л. 27, 30, 40, 46]. Президиум ВУЦИК 15 марта 1922 г. по предложению Харьковского губисполкома расформировал Чугуевский уезд [3, 1922, ст. 211].

Большое значение в проведении административно-территориальной реформы имело постановление ВУЦИК от 1 февраля 1922 г. «Об упорядочении и ускорении работ по административно-территориальному делению УССР» [3, 1922, ст. 74]. В постановлении запрещалось местным исполкомам самостоятельно вносить изменения в административное деление. Все работы по сокращению существующих территориальных границ возлагались на НКВД [3, там же]. Народный комиссариат внутренних дел 5 апреля 1922 г. рекомендовал местным исполкомам «приступить к планомерному изучению и распределению губернских, уездных и волостных границ» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 900, л. 4].

Трудящиеся с пониманием встретили решения Коммунистической партии и Советского правительства о необходимости укрепления административных единиц и сокращения государственного аппарата. Так, в резолюции объединенной сессии

председателей волисполкомов и сельсоветов Гряковской, Камышеватской и Сидоренковской волостей Валковского уезда, состоявшейся 7 мая 1922 г., указывалось: «Данная реформа вполне приемлема и своевременна. Это может послужить возрождению хозяйства, а посему постановляем просить исполком добиваться перед вышестоящими организациями указания о слиянии наших волостей со всеми хуторами и селами в одну волость» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 891, л. 1]. Изюмская уездная территориальная комиссия 24 мая 1922 г. приняла решение: «Ввиду малочисленного населения некоторых волостей и перехода содержания волостного аппарата на местные средства сократить количество волостей в уезде с 15 до 9» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 894, л. 5]. Аналогичные решения были приняты всеми уездными административно-территориальными комиссиями и утверждены исполнительными комитетами.

Важную роль в ускорении работы по пересмотру территориальных границ сыграло принятое 16 мая 1922 г. Харьковским губисполкомом решение «Об организации волостей в Харьковской губернии», согласно которому волость должна была объединять не менее 12—15 тыс. чел. [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 893, л. 15]. СНК УССР 11 сентября 1922 г. заслушал доклад председателя Харьковского губисполкома С. И. Кузнецова о сокращении волостей и признал работу губисполкома в этом направлении удовлетворительной. В постановлении СНК отмечалась целесообразность распространения на Украине опыта харьковчан: «Считать своевременным, не дожидаясь всей административной реформы, приступить к предварительным работам по сокращению волостей, беря за основу количество населения в волости 25—40 тыс. человек» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 902-и, л. 58]. Для разработки нового проекта поволостного деления была создана комиссия из представителей Госплана и НКВД. В нее вошел председатель Харьковского губисполкома С. И. Кузнецов [Там же]. Харьковский губисполком, учитывая рекомендации СНК, уже в октябре 1922 г. счел возможным сократить в три раза количество волостей в губернии. ВУЦИК утвердил решение губисполкома 25 ноября 1922 г. [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 1403, л. 2; оп. 2, ед. хр. 60, л. 26].

В октябре 1922 г. III сессия ВУЦИК шестого созыва приняла постановление «Об административно-территориальном делении УССР и об упрощении советского аппарата», в котором указывалось на необходимость постепенного перехода от четырехстепенной системы управления (губерния—уезд—волость—село) к трехстепенной (округ—район—село) [3, 1922, ст. 668]. Кроме того, в постановлении устанавливались твердые нормы численности населения для новых административных единиц [Там же].

Постановление ВУЦИК о проведении реформы административно-территориального деления широко обсуждалось в Харь-

ковской губернии. Так, в октябре—ноябре 1922 г. вопрос о новом районировании губернии рассматривался на волостных, уездных и губернском (декабрь) съездах Советов, заседаниях комиссий, общих собраниях рабочих и крестьян [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 837, л. 2; ед. хр. 902-и, л. 93, 115; ед. хр. 889-а, л. 21]. 29 декабря 1922 г. Богодуховский уездный исполком принял решение сократить дополнительно две волости. Харьковский исполком рекомендовал волостным исполнительным комитетам укреплять свой аппарат и аппарат сельсоветов за счет работников расформированных исполкомов [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 890, л. 14; ед. хр. 902-а, л. 31]. Аналогичное решение было принято на объединенном заседании административно-территориальной и избирательной комиссий Изюмского уезда [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 902-т, л. 17]. «Практическое значение нового деления громадно, — подчеркивалось в обращении уездного исполкома к трудящимся Лебединского уезда, — с одной стороны, оно экономит нам средства, удешевляя наш аппарат, с другой стороны, дает возможность создать его из опытейших работников.... Способствуйте установлению тесной связи окружного исполкома и его отделов с населением» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 1411, л. 11].

Правильность взятого советским правительством Украины курса на сокращение территориальных единиц и упрощение советского аппарата подтвердил VII Всеукраинский съезд Советов (10—14 декабря 1922 г.) [4, с. 102]. Харьковский губисполком, выполняя постановление съезда, к 1 января 1923 г. подготовил проект районирования губернии. Этот проект 20 января 1923 г. был одобрен Центральной административно-территориальной комиссией. Согласно новому делению в состав Харьковской губернии входило пять округов: Богодуховский, Изюмский, Купянский, Сумской, Харьковский, которые подразделялись на 80 районов [5, с. 107—114]. Районам предоставлялись административные, экономические, торгово-распределительные и культурные функции, а райисполкомам — право создавать районный бюджет. Территория райисполкома была меньше, чем территория уезда, и это позволяло глубже вникать в хозяйственно-экономическую и культурную жизнь населения районов. Новое территориальное деление предусматривало также перестройку низовой административной единицы — сельского Совета. Их количество в губернии было сокращено с 1274 до 824 [11, с. 1]. Сельским Советам были переданы почти все права бывших волостных исполкомов, хотя обслуживали они значительно меньшую территорию.

Реформа дала возможность в 2,4 раза сократить административно-технический персонал, занятый в волостном и уездном аппарате. Так, если до реформы в волостных исполкомах работало 2369 чел., а в уездных 304, то после реформы в окружных исполкомах — 187, в районных — 906 чел. [13,

ф. Р-203, оп. 2, ед. хр. 60, л. 64]. Наиболее квалифицированные работники направлялись в райисполкомы и сельские Советы. Например, если до реформы в составе волисполкомов было 66% коммунистов, то после реформы в райисполкомах — 80%. Кроме того, 66% членов райисполкомов имели опыт советской работы с 1917—1919 гг. [11, с. 6—7].

Создание районов и сельских Советов наряду с укреплением аппарата и приближением его к массам способствовало организации экономически целостных административных единиц. Вместе с тем, как отмечалось в тезисах к докладу «Об административно-территориальном делении Украины» на II сессии ВУЦИК, данная реформа явилась «...первым опытом коренной перестройки административной территории всей страны по единому плану» [14, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 920, л. 36]. Опыт проведения реформы показал, что механическое объединение нескольких сел и волостей в один сельский Совет или волость нарушало основные принципы районирования. Кроме того, недостаточно полно были учтены мнения самого населения. Поэтому проведенное в 1923 г. районирование впоследствии подвергалось совершенствованию. XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., отметил, что данное районирование не совсем отвечает новым политическим и экономическим потребностям страны, и указал на организацию «волости и других первичных органов власти, которая, наряду с удешевлением всего административно-хозяйственного аппарата, привела бы к укреплению и к развитию ближайших к массам органов власти» [2, с. 444].

В соответствии с решением XII съезда партии и постановлением ВУЦИК от 25 мая 1923 г. Харьковский губисполком направил работникам местных Советов анкету, в которой надо было указать экономическое состояние района; наличие сельских Советов; расстояние населенных пунктов от Совета; наличие и характеристика хозяйства; пути сообщения и др. В сопроводительном письме к анкете подчеркивалось, что «настало время сознательно изучить и познать нашу губернию, для выяснения дальнейшего ее развития...» [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 1403, л. 181]. Особенно тщательно рекомендовалось рассмотреть границы сельских Советов. В ходе этой работы в адрес губисполкома поступило 34 ходатайства от населения различных сел об изменении, главным образом, районных и окружных границ [11, с. 2]. IV сессия Харьковского губисполкома (июль 1923 г.), заслушав работу Нижне-Сыроватского райисполкома Сумского округа и Нижне-Дуванского райисполкома Купянского округа, предложила всем райисполкомам «в связи с переходом на районный бюджет, привести границы сельских Советов в соответствие с требованиями ВУЦИК», т. е. в подчинении сельсовета должны находиться населенные пункты в радиусе не более 4—5 верст, при наличии не менее 1000 жителей [14, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 1443, л. 213, 214, 222]. Сессия утвердила

решение губернской административно-территориальной комиссии о реорганизации ряда районов и поддержала ходатайство бюро Богодуховского уездного комитета партии и окружного исполкома о переносе окружного центра из Богодухова в Ахтырку [13, ф. Р-203, оп. 2, ед. хр. 60, л. 65; оп. 1, ед. хр. 1403, л. 187; ед. хр. 1416-а, л. 22]. Малый Президиум ВУЦИК 1 ноября 1923 г., учитывая ходатайство Харьковского губисполкома, а также экономическое и хозяйственное состояние Ахтырки, принял решение о переносе окружного центра из Богодухова в Ахтырку и переименовании Богодуховского округа в Ахтырский [3, 1923, ст. 571]. В Харьковской губернии к ноябрю 1923 г. были устранены отдельные недостатки в структуре округов и районов, количество которых сократилось до 76 [11, с. 2].

VI сессия ВУЦИК седьмого созыва 4 ноября 1923 г. подвела итоги работы местных Советов за полугодие в условиях нового территориального деления. В принятом постановлении «Об итогах и очередных задачах районирования Украины» отмечалась целесообразность районирования, сокращения и укрепления государственного аппарата, приближения его к массам. Вместе с тем было рекомендовано местным административно-территориальным комиссиям установить тесный контакт с землемерными и другими плановыми комиссиями, а также принять решительные меры «к равномерному разделению населенных пунктов по сельсоветам и сельсоветов—по районам», добиваясь совпадения административной территории с территорией земельного общества [3, 1923, ст. 580].

VIII губернский съезд Советов (январь 1924 г.) отметил правильность проводившихся мероприятий губисполкома, обязал вновь избранный исполком составить проекты окончательного поокружного и порайонного деления [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 2418, л. 61, 90, 306].

Выполняя решения IV сессии ВУЦИК и VIII губернского съезда Советов, местные исполнительные органы Харьковщины провели большую работу по изучению результатов районирования, внесению корректив в административно-территориальное деление. В 1924 г. из 47 ходатайств о расформировании районов, создании сельсоветов, уточнении границ районов и сельских Советов, направленных местными органами власти в губисполком, было удовлетворено 22. Количество районов сокращено до 68, а сельских Советов — до 792 [13, ф. Р-203, оп. 2, ед. хр. 63-а, л. 16]. Для уточнения территориальных границ большое значение имела утвержденная ВУЦИК 14 апреля 1924 г. инструкция «О порядке перевода населенных пунктов к разряду городских или сельских поселений». Согласно данной инструкции в Харьковской губернии насчитывалось 19 населенных пунктов городского типа, из них 8 городов [6, приложение]. Были уточнены также окружные, районные

и сельские границы, что положительно сказывалось на работе советского аппарата. Аналогичные мероприятия проводились по всей республике. Вот почему в конце 1924 г. стало возможным приступить к завершению административно-территориальной реформы.

Пленум ЦК Компартии Украины (6—8 октября 1924 г.) принял решение о введении на Украине к 1 октября 1925 г. трехстепенной системы управления. IV сессия ВУЦИК восьмого созыва 19 февраля 1925 г. приняла постановление о низовом районировании, а также признала ликвидацию губерний и переход на трехступенную систему управления необходимой и своевременной [3, 1925, ст. 99]. Результаты районирования губернии были подведены на IX губернском съезде Советов (апрель 1925 г.). Председатель губисполкома К. Я. Федотов отметил, что после VIII губернского съезда Советов аппарат местных органов власти значительно укрепился. Съезд одобрил административно-территориальную реформу и поддержал решение о ликвидации губерний [13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 2050, л. 2, 170]. Президиум ВУЦИК на основании постановления IX Всеукраинского съезда Советов 3 июля 1925 г. принял решение ликвидировать с 1 августа 1925 г. губернии как административно-территориальные единицы. Одновременно расформировывался и Ахтырский округ [14, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 231, л. 57]. В приведенной таблице показано осуществление административно-территориальной реформы на Харьковщине [составлена на основе: 11, с. 2; 13, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 1403; ед. хр. 1404; 14, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1365].

Административно-территориальная единица	Февраль 1921 г.	Ноябрь 1921 г.	Ноябрь 1922 г.	Март 1923 г.	Ноябрь 1923 г.	Апрель 1925 г.	Август 1925 г.
Губерния	1	1	1	1	1	1	—
Округ	—	—	—	5	5	5	4
Уезд	11	11	10	—	—	—	—
Район	—	—	—	80	76	68	65
Волость	232	242	230	—	—	—	—
Сельсовет	1291	1297	1274	824	814	702	878

Таким образом, в 1921—1925 гг. местные Советы Харьковщины проделали большую работу по сокращению административных единиц, созданию действительно однородной в хозяйственно-экономическом и культурном отношении территории.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, Т. 2. 543 с. 3. *СУ УССР*. 4. VII Всеукраинский съезд Советов 10—14 декабря 1922 г. Стеногр. отчет. Харьков, 1922. 630 с. 5. *Административно-территориальное деление Украины*. Харьков, 1923. 73 с. 6. *Адміністративно-територіальний поділ УРСР при 3-ступневій системі врядування*. Харків, 1925. 67 с. 7. Бабій Б. М. Українська Радянська держава 1921—1925 рр. Київ, 1961. 382 с. 8. Недух А. А. Адміністративно-територіальна реформа в УРСР у 1923 р. — В кн.: Питання історії народів СРСР, 1967, вип. 4, с. 65—74. 9. Недух А. А. Округ у системі адміністративно-територіального поділу УРСР. — УІЖ, 1967, № 6, с. 96—100. 10. *Отчет о деятельности губисполкома и его отделов VI губернскому съезду Советов с 1 января по 1 ноября 1921 г.* Харьков, 1921. 186 с. 11. *Отчет Харьковского губисполкома VIII губернскому съезду Советов, 1 октября 1922 г.* — 1 октября 1923 г. Харьков, 1923. 355 с. 12. Стоян П. К. Адміністративно-територіальна реформа на Україні 1922—1925 рр. — УІЖ, 1965, № 4, с. 71—78. 13. *Харьковский облгосархив*. 14. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 10.12.82.

А. И. ЭПШТЕИН, канд. ист. наук

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ РАБОЧЕГО КЛАССА УССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Годы первой пятилетки явились важным этапом в становлении советского рабочего класса. Глубочайшие преобразования, происшедшие в результате деятельности рабочего класса в жизни страны, обусловили изменения его численности и состава.

Один из крупных отрядов советского рабочего класса — рабочий класс Украинской ССР. Однако изменения его численности и состава в период первой пятилетки еще недостаточно изучены. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы освещались в монографиях В. Е. Лобурца [4] и А. Б. Слуцкого [11]. Но в этих работах хронологические рамки исследования не совпадают с первой пятилеткой. Кроме того, недостаточное внимание уделяется анализу изменений количества и состава различных отраслевых отрядов рабочего класса. В особенности это относится к строителям. Не рассматриваются такие важные проблемы, как социально-профессиональная структура рабочего класса, социальные аспекты изменений его демографического состава. Автор настоящей статьи поставил задачу по возможности восполнить пробел в изучении изменений в численности и составе рабочего класса УССР в годы первой пятилетки.

С 1928 по 1932 г. число работающих в народном хозяйстве УССР выросло с 2020,3 тыс. чел. до 4361 тыс., т. е. более чем в 2 раза; в крупной промышленности — с 687,5 тыс. до 1385,4 тыс., тоже более чем в 2 раза; в строительстве —

с 122,5 тыс. до 573,9 тыс., т. е. в 4,7 раза. Численность рабочих крупной промышленности (вместе с учениками и МОП) с 1 января 1929 г. по 1 января 1933 г. выросла почти в 2 раза. Если рассматривать численность рабочих без учеников и МОП, то ее рост составил почти 75%. Разрыв объясняется резким увеличением количества тех категорий работающих, которые либо являлись завтрашними рабочими (ученики), либо были связаны с рабочим классом совместной производственной деятельностью (МОП, ИТР и служащие). Общее число учеников в крупной промышленности СССР выросло за первые три года пятилетки с 30257 до 141306 чел., т. е. в 4,7 раза. Затем в связи с широким развертыванием школ ФЗУ наблюдается некоторое уменьшение числа учеников, до 112289 чел. на 1 января 1933 г. [5, с. 385].

Численность ИТР и служащих возросла с 66371 чел. на 1 января 1929 г. до 193 917 на 1 января 1933 г. В 1929 г. статистика не выделяла ИТР, но на 1 января 1933 г. их было в крупной промышленности СССР 84510 чел. [5, с. 396]. Если принять для 1929 г. соотношение ИТР и служащих, которое было в 1933 г. (10:13), то количество ИТР составит приблизительно 29080 чел. Следовательно, численность ИТР в крупной промышленности Украины возросла в 3,5 раза, что почти вдвое больше увеличения численности всех работающих. Рост числа и удельного веса высококвалифицированных специалистов был тесно связан с развитием производительных сил. Вместе с тем в нем отразилась объективная обстановка того периода. Накануне первой пятилетки в СССР насчитывалось всего 15,5 тыс. инженеров, на каждые 100 рабочих приходилось меньше 1 инженера [13, с. 70]. На 1 января 1933 г. в промышленности СССР в целом численность ИТР составляла 8% по отношению к числу рабочих. В ряде отраслей этот показатель был выше: в электротехнической — 18,6%; в машиностроении — 13,7; в полиграфии — 10,6; в основной химической промышленности — 10,6; в швейной — 8,8% [17, ф. 318, оп. 2, д. 26, л. 90].

По отдельным отраслям рост численности всех работающих, в том числе рабочих, был выше среднего увеличения по промышленности. С 1 января 1929 г. по 1 января 1933 г. в машиностроении (вместе с производством металлоизделий) численность всех работающих увеличилась в 3,2 раза, рабочих — в 2,8 раза; в цветной металлургии — соответственно в 11 и 9; в промышленности строительных материалов (с 1 января 1930 г. по 1 января 1933 г.) — в 3 и 2,4 раза. Значительно увеличился производственный персонал отраслей и подотраслей группы «Б». Численность занятых в производстве одежды и обуви выросла в 2,9 раза, в том числе рабочих в 2,7 раза; в швейной промышленности — соответственно в 3,5 и 3,4; в трикотажной — почти в 3,6 и 3,1 раза. Если во всей пищевкусовой

промышленности численность работающих увеличилась за четыре года пятилетки почти на 50%, а рабочих — почти на 37%, то в кондитерской — в 3,3 и 2,8 раза, а в консервной за три года (1930—1933 гг.) — в 6,5 и 4 раза [5, с. 397—402].

Эти цифры отражают структурные изменения, которые происходили в экономике УССР и всей страны. Впервые на первое место среди отраслей крупной индустрии по количеству работающих вышло машиностроение, обогнав каменноугольную промышленность и черную металлургию. О наличии структурных сдвигов в составе рабочего класса свидетельствовали также появление новых специальностей, исчезновение некоторых старых, изменение соотношения между различными группами рабочих по специальностям. Новая техника рождала новые профессии, требующие все меньших затрат физической энергии. Так, в составе строителей Украины увеличилось число рабочих, имеющих ранее не типичные для строительства профессии. Только с 1 июля 1931 г. по 1 октября 1932 г. численность мотористов увеличилась более чем в 2 раза, монтеров — почти в 2,5 раза, строительных слесарей — на 55,7%, электромонтеров — почти на 20%. В то же время численность чернорабочих, землекопов, плотников снизилась [5, с. 453].

К сожалению, у нас нет подробных количественных данных, отражающих процесс вытеснения каталей в металлургическом производстве машинистами вагонов-весов и скипов. Но в 1932 г. домны с полностью механизированной загрузкой дали 17,7% всей выплавки чугуна. На них каталей не было вообще. На ряде доменных печей применялась малая механизация — загрузка при помощи специально оборудованных электрокаров, автомобилей и тракторов, что также приводило к устранению тяжелого труда каталей. Установка разливочных машин (первая была установлена в 1931 г. на Макеевском заводе, а в 1932 г. через эти машины прошло 52,7% всей выплавки чугуна в УССР) высвободила большое количество чугульников, разбивающих чугун вручную и в тяжелых условиях на литейных дворах. На всех новых и реконструированных, а также на многих старых домнах были механизированы трудоемкие процессы разделки летки и закрытия ее. Это способствовало не только повышению производительности труда металлургов, но и изменению его характера и содержания.

Подобные процессы происходили во всех отраслях промышленности УССР. В железорудной промышленности механизация отбойки руды выросла с 49,5% до 100%; подземной откатки — соответственно с 2,5 до 13,6; поверхностной — с 21 до 33,4; доставки руды из забоев — с 7,8 до 43,9; подъема ее на поверхность — с 87,6 до 100; погрузки в вагоны — с 40 до 51,1%. В промышленности строительных материалов, в первую очередь в производстве огнеупорного кирпича, также происходило техническое перевооружение. Были установлены механи-

ческие прессы и дробильно-помольные установки, механизирован ряд операций по доставке сырья и перемещению материалов внутри предприятия [9, с. 119, 189, 228]. В машиностроении широкое распространение сварки привело к вытеснению профессии клепальщиков. Универсальность этого процесса проявилась в охвате им всех отраслей тяжелой и легкой промышленности. Социально-профессиональная структура раннеиндустриального типа заменялась структурой конвейерного типа.

Рост численности рабочего класса в СССР не имел ничего общего с типичной для капитализма пролетаризацией населения. В нашей стране увеличилась численность господствующего класса, владеющего вместе со всем народом основными средствами производства и осуществляющего политическое руководство обществом. Он пополнялся не за счет разорения мелких производителей, а путем добровольного приобщения к промышленному труду представителей других классов и слоев советского общества. Источники пополнения рабочего класса остались те же, что и раньше: крестьяне, рабочая и крестьянская молодежь, женщины, бывшие служащие, кустари и люди свободных профессий, демобилизованные красноармейцы, пенсионеры и безработные, а также немногочисленные выходцы из нетрудовых элементов. Однако, если в первые годы индустриализации среди новых кадров преобладали дети рабочих, то в годы первой пятилетки — дети крестьян [1, с. 115]. Это было вызвано потребностями развивающейся индустрии и строительства, а также недостаточностью роста численности рабочего класса за счет детей рабочих.

Удельный вес выходцев из крестьян в составе рабочего класса Украины на рубеже первой и второй пятилеток был весьма значительным. Так, среди работающих в черной металлургии выходцы из крестьян составляли 49,2%; выходцы из рабочих — 48,1%; в транспортном машиностроении — соответственно 36 и 58,9; в сельскохозяйственном машиностроении — 33 и 58,7; в автотракторной и авиационной промышленности — 52 и 41,1; в электротехнической — 46,3 и 47. Число выходцев из служащих, кустарей и лиц свободных профессий — незначительно. Так, в составе рабочего класса Украины было 1,5—5,2% выходцев из служащих; 1,4—2,5% из кустарей и лиц свободных профессий; 0,3—0,6% из нетрудовых элементов [8, с. 100—102; 110—112; 116—117; 120—121; 126—128]. Если в 1926—1927 гг. в пополнении шахтеров Донбасса дети крестьян составляли 66%, то в 1930—1932 гг. — почти 80% [3, с. 20].

Однако для характеристики социального состава рабочего класса этих данных явно недостаточно. Надо учесть, что среди выходцев из крестьян были рабочие со значительным производственным стажем. Среди металлургов Украины пришедшие на производство до 1928 г., т. е. имевшие к концу 1933 г. пятилетний стаж и больше, составляли 51,4%, из них 21,4% начали

работать до 1917 г. Удельный вес выходцев из крестьян среди этой части рабочих колебался от 37,2% среди пришедших на работу в 1918—1921 гг. до 48,4% среди начавших работать в 1926—1927 гг. В транспортном машиностроении СССР 55,2% рабочих пришли на производство до 1928 г., в том числе 26,2% — до 1917 г. Удельный вес детей крестьян среди них колебался от 28,1 до 36,7%. В сельскохозяйственном машиностроении 47,3% рабочих начали работать до 1928 г., в том числе 20,9% — до 1917 г. Удельный вес выходцев из крестьян колебался от 24,7 до 33,4%. В автотракторной и авиационной промышленности 33,6% рабочих начали работать до 1928 г., в том числе 9,9% — до 1917 г. Дети крестьян составляли 31,9—42,9%. В электротехнической промышленности 51,1% рабочих пришли на производство до 1928 г., в том числе 20% — до 1917 г. Удельный вес детей крестьян среди них колебался от 36,8% до 45,5% [8, с. 102, 112, 116, 120, 128].

Среди рабочих со стажем 5 лет и выше было больше всего членов партии. Так, среди рабочих металлургической промышленности СССР, охваченных профсоюзной переписью 1932 — 1933 гг., насчитывалось более 200 коммунистов, вступивших в партию до 1917 г. и в годы гражданской войны. В транспортном машиностроении работало более 50 коммунистов, вступивших в партию до 1920 г. На долю тех, кто начал работать до 1928 г., приходилось почти 81% всех коммунистов. Десятки коммунистов работали на предприятиях других отраслей республики. В сельскохозяйственном машиностроении на долю рабочих приходилось более 3/4 членов партии, в автотракторной и авиационной промышленности — свыше 70%, в электротехнической — почти 83% [8, с. 162, 165, 172—175, 178—179, 182—183, 188—189].

Надо учесть, что пришедшие на производство дети крестьян были выходцами из середняков, бедняков и колхозников, при этом преобладали представители последних двух групп. Так, в черной металлургии выходцев из деревни было 49,2%: из них бедняков — 35,7%, колхозников — 4,3%; в транспортном машиностроении — соответственно 36, 28 и 3; в автотракторной и авиационной промышленности 52, 31,4 и 10; в сельскохозяйственном машиностроении — 33, 25,3 и 2,8; в электротехнической промышленности — 46,3, 32,6 и 4,5 [8, с. 100—112, 116, 120, 126—127].

Наряду с социальным происхождением важным показателем изменений в составе рабочих был род их занятий до прихода на производство. Среди рабочих, пришедших из сельского хозяйства, наибольшее количество составляли работавшие ранее в индивидуальном хозяйстве. В черной металлургии было 20,5% работавших по найму и 37,6% работавших не по найму. Это несколько больше, чем удельный вес крестьян среди

рабочих (49,2%). Очевидно, часть рабочих, живущих в сельской местности, участвовала в сельскохозяйственном производстве. Вторую по численности группу в пополнении рабочего класса составляли иждивенцы, пенсионеры и безработные (16,6%). Доля этой группы неуклонно сокращалась (с 28,1% в 1917 г. до 8,6% в 1932 г.), что было обусловлено ликвидацией безработицы. Источниками пополнения рабочего класса были также учащиеся (12,7%); вернувшиеся из армии (3,3%); работавшие в других отраслях народного хозяйства (3,2%); домработницы (2,3%); домохозяйки (2,6%), кустари и члены артелей (1,1%); пришедшие из торговли и лица других нетрудовых занятий (0,1%). Отметим, что доля домработниц и домохозяек в составе новых пополнений все время росла. Так, среди пришедших на производство до 1917 г. было 0,3% домработниц и 0,8% домохозяек; в 1918—1927 гг. — соответственно 1,1 — 1,5 и 1,4 — 2,6; в 1932—1933 гг. — 5 и 7,2 [8, с. 100—103].

Важным показателем адаптации выходцев из крестьян в рабочем классе служило уменьшение их связи с сельским хозяйством. В черной металлургии УССР связь с сельским хозяйством сохранили 12% рабочих, в том числе 9,1% с колхозным производством; в транспортном машиностроении — соответственно 7,2 и 5,5; в сельскохозяйственном машиностроении — 5 и 4; в автотракторной и авиационной промышленности — 13,3 и 10,7; в электротехнической промышленности — 6,6 и 4,5 [8, с. 100—101, 110—111, 120—121, 126—127].

Большой интерес представляет изучение социального состава рабочих-строителей. Согласно переписи 1932—1933 гг. среди членов союза промышленно-жилищно-коммунального строительства выходцы из рабочих составляли 30,6%, крестьян — 67,4% (в том числе бедняков — 31,3%, середняков — 23,1%, колхозников — 13%), служащих — 1,3%, кустарей и лиц свободных профессий — 0,5%, прочих и нетрудовых элементов — 0,2%. До прихода на строительство по найму работали: в сельском хозяйстве 7,3%; в промышленности — 11,9%; в прочих отраслях народного хозяйства — 7,6%; домработницы — 1,1%; работали не по найму: в сельском хозяйстве — 61,4%; кустари и члены артелей — 1%; домохозяйки — 1,3%; учащиеся — 5%; демобилизованные из армии — 2%; пенсионеры, иждивенцы и безработные — 1,3%. В пополнении 1928—1929 гг. выходцы из крестьян составляли 67,8%; 1930 г. — 73,1%; 1931 г. — 78,3%; 1932—1933 гг. — 77,8%. Связь с сельским хозяйством сохранили 37% строителей, в том числе с колхозным производством — 24,5% [8, с. 142—143].

Согласно проведенному ВУСПС анализу анкет принятых в профсоюз в первой половине 1931 г. среди строителей республики дети крестьян составляли 68,1% [7, с. 440—441]. Мы не располагаем сводными данными по всему промжилкомстрои-

тельству Украины на конец пятилетки. Тем не менее, указанные выше данные позволяют говорить о преобладании выходцев из крестьян среди строителей. Это объясняется следующими причинами. Многие мелкие собственники рассматривали работу на стройке как дополнительный источник дохода, поскольку строительные работы еще носили сезонный характер некоторые строительные специальности (землекопы, плотники, печники) были близки крестьянам. Сказывалось относительное перенаселение в деревне, невозможность получить работу в промышленности из-за отсутствия квалификации, а также неликвидированной в начале пятилетки безработицы.

В состав строителей попадали кулаки, представители других эксплуататорских классов. В материалах переписи 1932—1933 гг. указано, что прочие и нетрудовые элементы составляли 0,2% рабочих промжилкомстроительства. Возможно, их было больше. Перепись проводилась на основании тех сведений, которые сообщали сами рабочие и, вероятно, часть выходцев из нетрудовых слоев скрывала свое происхождение. К тому же перепись охватывала только членов профсоюза. Но вряд ли можно согласиться с категорическим выводом В. Н. Елисеевой: «На Украине ряды строителей были засорены кулаками» [2, с. 47]. Такая формулировка создает преувеличенное представление об их удельном весе. О. И. Шкаратан отметил, что «жесткий подход» к вопросу о границах и слоях рабочего класса, характерный для литературы 20-х — первой половины 30-х годов, обусловлен тогдашней обстановкой классовой борьбы [14, с. 133]. Это обстоятельство сказалось и на многих документальных источниках того времени. Поэтому их следует тщательно анализировать.

Коммунистическая партия не закрывала доступа представителям эксплуататорских классов к труду на социалистических предприятиях. Речь шла не об их физическом уничтожении, а о ликвидации их как классов. Однако в условиях ожесточенной классовой борьбы Коммунистическая партия принимала меры к недопущению на решающие участки строительства представителей эксплуататорских классов, поскольку, обладая опытом и знаниями, они проникали на командные должности, использовали свое пребывание на стройках для враждебной деятельности. Бюро парткома Днепростроя в марте—апреле 1929 г. провело проверку личного состава работающих с целью очистки от чуждых элементов. В результате 174 чел. были уволены как контрреволюционеры, антисоветские и разлагающие элементы [16, ф. 149, оп. 1, д. 170, л. 8]. Аналогичная работа проводилась на Луганскстрое [15, ф. 5, оп. 1, д. 180, л. 319], Тракторострое [17, ф. 2724, оп. 1, д. 12, л. 17].

На наш взгляд, О. И. Шкаратан правильно определил удельный вес выходцев из нетрудовой среды (3—4%) среди пополнений рабочего класса промышленности в 1929 г. [14, с. 272].

Следует также согласиться с В. З. Дробижевым и А. И. Вдовиним, распространившими эту оценку на весь реконструктивный период [1, с. 124]. Думается, что в составе строителей удельный вес выходцев из нетрудовой среды такой же. Это подтверждается сопоставлением данных переписи 1932—1933 гг. по различным отраслям промышленности и строительству. Об этом свидетельствует и незначительное количество уволенных представителей эксплуататорских классов.

Социальный характер имели также изменения демографического состава рабочего класса.

В годы первой пятилетки численность женщин, занятых в промышленности и строительстве УССР, увеличилась с 112,2 тыс. на 1 апреля 1928 г. до 521,9 тыс. на 1 января 1933 г., а удельный вес с 14 до 23,7% [6, с. 42]. В промышленности республики эти показатели составили 14,2% на 1 января 1928 г. и 25% на 1 января 1933 г., в строительстве — 12,1% на 1 июля 1930 г. и 21,5% на 1 января 1933 г. (по всем категориям работающих). В отдельных отраслях повышение удельного веса женщин в составе рабочего класса было еще большим: в железорудной промышленности — с 4,5% на 1 января 1928 г. до 12,5% на 1 января 1932 г.; в машиностроении и металлообработке — соответственно с 7,4 до 25,3; в черной металлургии с 5,8 до 17; в кожевенной промышленности — с 4,4 до 29,8; в полиграфической — с 18,4 до 44,1. В текстильной промышленности наблюдалось снижение удельного веса женщин в составе рабочих с 62,8 до 62,1% при росте абсолютной численности с 7,7 тыс. до 12,3 тыс. чел. [12, с. 395—396]. Если же рассматривать удельный вес женщин среди промышленных рабочих вместе с учениками и МОП, то он будет несколько выше — 26,5% [5, с. 420].

Анализ материалов профсоюзной переписи 1932—1933 гг. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, удельный вес женщин в пополнении рабочего класса постоянно возрастал. Во-вторых, процент выходцев из рабочих среди женщин был выше, чем среди мужчин. Для строительства (по данным союза промжилкомстроительства СССР) также было характерно возрастание удельного веса женщин: с 9,3% в 1926—1927 гг. до 34,4% в 1932 г. В строительстве среди женщин удельный вес выходцев из крестьян был несколько выше, чем среди мужчин — 67,5% против 67% [8, с. 142]. Сельские женщины проявляли не меньшую социальную мобильность, чем городские, но для них местом работы после ухода из села становилось прежде всего строительство.

В годы пятилетки происходило повышение удельного веса молодежи среди рабочих. В целом по ценовой промышленности УССР удельный вес молодежи до 23 лет среди рабочих (вместе с учениками) повысился с 28,2% на 1 января 1929 г. до 45,1% на 1 января 1933 г. [17, ф. 318, оп. 2, д. 26, л. 86].

Если же брать удельный вес молодежи среди рабочих без учеников, то динамика роста будет примерно та же: увеличение с 25,1% на 1 января 1930 г. до 39,2% на 1 января 1933 г. В отдельных отраслях промышленности доля молодежи среди рабочих была еще выше: в каменноугольной — 43,1%; в железорудной — 44,3%; в машиностроении — 40,7%; в трикотажной — 62,2%, швейной — 43% [12, с. 396, 405—406]. Средний возраст рабочих черной металлургии УССР в начале 1933 г. составлял 30,4 года; транспортного машиностроения — 30,6; сельскохозяйственного — 29,8; автотракторной и авиационной промышленности — 26,2, электротехнической — 29,1 года [8, с. 76, 80—81, 83]. В строительстве Украины удельный вес молодежи до 24 лет повысился с 27,9% на 1 октября 1930 г. до 47,5% на 1 октября 1932 г. [6, с. 211]. На многих стройках республики удельный вес молодежи был еще выше. В докладной записке ВУКа промжилкомстроительства в ЦК Союза отмечалось, что на 1 августа 1931 г. удельный вес рабочей молодежи на крупнейших стройках составлял 65% [17, ф. 2724, оп. 1, д. 12, л. 413].

Одновременно с ростом удельного веса рабочей молодежи уменьшилась доля молодежи до 15 лет, что свидетельствовало о преодолении такого наследия капитализма, как детский труд. Так, в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Украины удельный вес среди пришедших на производство до 1905 г. в возрасте до 15 лет был 73,6%. После Октября этот показатель постоянно снижался и в 1928—1929 гг. равнялся 40%. В черной металлургии он составлял соответственно 58,8 и 45,4; в каменноугольной промышленности Донбасса — 60,5 и 40% [10, с. 59, 61]. Если в переписи 1929 г. выделялась группа рабочих до 15 лет, то в переписи 1932—1933 г. — до 17 лет. В 1926 г. на 1 рабочего промышленности УССР приходилось 1,4 несамостоятельных членов семьи; в 1931 г. — 1,1; для рабочих строительства — соответственно 1,6 и 0,8 [17, ф. 318, оп. 2, д. 26, л. 80].

Большое социальное значение имел рост национальных кадров рабочего класса УССР. В 1926 г. среди рабочих промышленности и строительства республики украинцы составляли 41,6%, русские 40,6%, представители других национальностей 17,8%. На 1 января 1929 г. — соответственно 47,9; 34,4 и 17,7%. К началу второй пятилетки — 56,1; 27,1 и 16,8% [17, ф. 318, оп. 2, д. 26, л. 80]. Эти данные убедительно опровергают измышления украинских буржуазных националистов о якобы чужеродном характере рабочего класса Украины.

В ходе выполнения первого пятилетнего плана было ликвидировано деление рабочей силы на занятую и незанятую. Если с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1928 г. число безработных в УССР увеличилось с 215617 до 245996 чел., в том числе рабочих — с 55323 до 67884, из них квалифицированных и полуква-

лиффицированных — с 40661 до 47415, то уже в первый год пятилетки общая численность безработных уменьшилась до 220274 чел., в том числе рабочих — до 57630, из них квалифицированных и полуквалифицированных — до 41534 [6, с. 43]. В 1930 г. была ликвидирована безработица в республике, что внушало трудящимся уверенность в завтрашнем дне, в скоротечной победе нового строя. Этому способствовала также ликвидация капиталистического уклада в экономике республики. Если накануне пятилетки в цензовой промышленности УССР 3,4 тыс. рабочих трудились на частных предприятиях [17, ф. 34, оп. 13, д. 109, л. 26], то к концу пятилетки весь рабочий класс был занят в социалистической экономике.

Таким образом, годы первой пятилетки ознаменовались бурным ростом рабочего класса УССР. Изменения в составе рабочего класса обусловили его социальную консолидацию. Было преодолено деление на работающих и безработных, на занятых в социалистическом и капиталистическом производстве. Этот период — важный этап в процессе превращения пролетариата в советский рабочий класс, руководящий класс социалистического общества. Полное завершение этого процесса относится к началу второй половины 30-х годов.

Список литературы: 1. Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940. М., 1976. 262 с. 2. Елисеева В. Н. О способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации СССР. — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1967, т. 63, с. 33—87. 3. Лихолобова З. Н. Рабочие Донбасса в годы первых пятилеток. Донецк, 1973. 177 с. 4. Лобурець В. Е. Формування кадрів радянського робітничого класу України (1921—1932 рр.). Харків, 1974. 157 с. 5. Народне господарство УСРР. Стат. довід. Київ, 1935. 651 с. 6. Праця в УРСР. Стат. довід. Київ, 1937. 302 с. 7. Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики. Сб. док. и мат. Киев, 1966. 594 с. 8. Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. М., 1934. Вып. 1. 260 с. 9. Развитие металлургии в Украинской ССР. Киев, 1980. 920 с. 10. Рашин А. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. 171 с. 11. Слуцкий А. Б. Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.). Киев, 1963. 503 с. 12. УСРР в цифрах. Стат. довід. Київ, 1936. 729 с. 13. Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки. М., 1968. 357 с. 14. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. 470 с. 15. Ворошиловградский облпартархив. 16. Запорожский облпартархив. 17. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 17.11.82.

Н. С. ШАПОВАЛОВА, канд. ист. наук

УЧАСТИЕ РАБОЧИХ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В КАМПАНИЯХ СОЛИДАРНОСТИ С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ТРУДЯЩИМИСЯ ПОЛЬШИ (1924—1928)

Трудящихся Польши и Советского Союза связывают узы дружбы и интернациональной солидарности, ярко проявившиеся уже в первые годы существования Советской власти. Успехи

социалистического строительства в молодой Стране Советов имели огромное интернациональное значение. Как отмечалось на XV съезде ВКП(б), в период построения социализма в СССР была создана «конкретная возможность очень солидной моральной поддержки растущему революционному движению» [2, т. 1, с. 140]. Одной из действенных форм проявления этой поддержки стало участие рабочих СССР в международных кампаниях пролетарской солидарности, проводившихся в основном по решению Исполкома МОПР и под идейно-политическим руководством Коминтерна. Впервые такие кампании прошли осенью 1923 г. в ответ на политический террор в Германии и Болгарии. С 1925 по 1928 гг. МОПР провел 44 международных и 303 национальных кампании пролетарской солидарности [21, с. 86].

В период частичной стабилизации капитализма власти стремились с помощью изощренной системы полицейских и юридических преследований подавить не прекращавшееся забастовочное движение и массовые демонстрации трудящихся. Особенно сильным террор реакционных сил был в Польше, в которой только с июня 1925 по февраль 1926 г. состоялось 1400 политических процессов [3, с. 104]. Коммунистическая партия Польши, коммунистическое молодежное и революционное профсоюзное движение действовали в глубоком подполье [20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 1—2].

Наиболее тяжелым было положение национальных меньшинств, которые составляли в 1924 г. 45% населения страны. Взимавшиеся с украинцев, белорусов и литовцев налоги были втрое выше, чем налоги с польского населения, их земли передавались польским военным переселенцам, национальная культура преследовалась. За восемь лет польского господства в Западной Украине было закрыто 2100 национальных школ, а в Западной Белоруссии — 514, т. е. все белорусские школы этого региона [20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 1—2].

Героическая борьба трудящихся Польши против национального и социального угнетения была поддержана международным движением солидарности всех прогрессивных сил, в авангарде которых шел рабочий класс СССР. Наиболее крепкие братские связи существовали между трудящимися Польши и рабочим классом Советской Украины. Это объяснялось общими революционными традициями, а также территориальной этнической и национальной близостью.

Вопрос об участии рабочих УССР в кампаниях солидарности с революционными трудящимися Польши в 1924—1928 гг. не исследован, хотя отдельные факты содержатся в общих и специальных работах по новейшей истории Польши, истории МОПР и международного движения солидарности трудящихся [3—7]. В данной статье автор попытался раскрыть содержание

и формы участия рабочих УССР в кампаниях солидарности с революционными трудящимися Польши в период частичной стабилизации капитализма, показать масштабы этого движения.

Большой вклад в движение протеста против политических репрессий в Польше внесли трудящиеся Советской Украины в 1925 г. в связи с судебным процессом над революционным деятелем С. Ланцуцким и убийством польских коммунистов В. Багинского, А. Вечоркевича, В. Гибнера, Г. Рутковского, В. Кневского. 5 апреля в Артемовске состоялись 3-тысячный митинг и демонстрация протеста против преступлений реакционных сил. Трудящиеся требовали наказания убийц. Демонстрации, митинги и собрания рабочих прошли также на предприятиях Киева, Николаева, Херсона, Чернигова, Харькова, Донбасса. Рабочие приняли резолюции, выражавшие чувства солидарности с политическими заключенными, родными и близкими, товарищами по борьбе расстрелянных и замученных революционеров [5, с. 140].

Несмотря на поддержку международного пролетариата С. Ланцуцкого осудили к четырем годам заключения. Рабочие многих предприятий Украины взяли шефство над С. Ланцуцким, переписывались с ним. В Виннице его именем назвали клуб, в Херсоне избрали почетным членом МОПР [20, ф. 487, оп. 1, д. 119, л. 6; 8, 1929, 14 авг.; 10, 1929, 16 авг.].

Правительство Пилсудского под натиском требований прогрессивной общественности 17 августа 1928 г. освободило С. Ланцуцкого из тюрьмы. Однако уже 21 августа он был снова арестован за речь, произнесенную в Лодзи четыре года назад. Всеукраинский ЦК МОПР призвал рабочих и крестьян поднять голос протеста против издевательств над С. Ланцуцким и политзаключенными Польши [12, 1929, № 39, 1 обл., с. 5]. Вскоре его удалось освободить из тюрьмы. В августе 1929 г. в составе рабоче-крестьянской делегации Польши С. Ланцуцкий приехал в Харьков. Здесь он встретился с рабочими крупнейших предприятий и выразил сердечную благодарность за моральную поддержку в трудный час испытаний. В январе 1930 г. С. Ланцуцкий посетил харьковчан уже как представитель Исполкома МОПР [8, 1929, 14—16 авг; 1930, 21 янв.].

В 1926 г. политический террор в Польше усилился. На 514 процессах были осуждены 3903 рабочих и крестьянина. Власти обвинили западноукраинских крестьян (151 чел.), более двух лет томившихся в тюрьме без суда и следствия, в государственной измене, принадлежности к компартии и создании боевых организаций с целью воссоединения Западной и Советской Украины [20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 1—2]. Трудящиеся УССР подняли голос протеста против буржуазного суда. 4 декабря Всеукраинский ЦК МОПР призвал трудящихся республики усилить помощь политзаключенным Польши [11, 1926, № 17, с. 19]. Солидарность с польскими революционерами выразили

делегаты декабрьского пленума МОПР СССР [8, 1927, 1 янв.]. Трудящиеся Сумщины послали в польскую секцию МОПР приветствие революционным крестьянам. Делегаты конференции мопровцев Роменского округа отметили, что вместо 151 осужденного пролетариат и крестьяне Польши воспитают тысячи и десятки тысяч новых революционеров [18, ф. 5597, оп. 1, д. 111, л. 23]. Только на Сумщине было проведено 5 митингов протеста [18, ф. 453, оп. 1, д. 4, л. 20]. Митинги протеста прошли также в Харькове, Николаеве, Херсоне, Конотопе и других городах Украины [8, 1926, 12 дек.; 18, ф. 4859, оп. 1, д. 2, л. 10]. Правительство Польши не решилось санкционировать расстрел крестьян, однако приговор суда был жестоким — 118 крестьян лишались свободы на 1000 лет и приговаривались к каторжным работам [20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 1—2].

Несмотря на правительственные репрессии национальные меньшинства Польши создавали массовые революционно-демократические, национально-освободительные и антифашистские организации. Одной из таких организаций была Белорусская громада, созданная в 1925 г. Ее возглавили Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Метла и П. Волошин. Организация ставила цель бороться против национального угнетения, преследования национальной культуры, за освобождение белорусского народа от гнета польских властей, получение земли без выкупа, предоставление права на самоопределение и воссоединение с Советской Белоруссией [6, с. 273]. Под руководством Коммунистической партии Западной Белоруссии громада организовала ряд крупных политических выступлений за освобождение политзаключенных, создание белорусских школ, против национального гнета. За короткий срок она завоевала большую популярность и превратилась в массовую организацию. Если в начале 1926 г. в организации насчитывалось 4 тыс. чел., в декабре — 50 тыс., то в январе 1927 г. — 117 тыс. [4, с. 554; 6, с. 273; 20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 1—2].

Правительство Польши стремилось путем террора ликвидировать громаду. В 1926 г. в Старо-Березове была разогнана легальная конференция громады, более 100 чел. ранено. В январе 1927 г. начался общий разгром белорусского национального движения. Только за три дня было арестовано более тысячи человек. 21 марта Белорусская громада перешла на нелегальное положение [12, 1928, № 30, с. 11]. 400 наиболее активных членов громады были обвинены в шпионаже. Для оправдания каторжных приговоров польская прокуратура построила свои обвинения на провокационных утверждениях о том, что громада действовала якобы в интересах иностранного государства и ее деятели являлись «агентами Москвы» [20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 2].

Почти одновременно с судом над членами Белорусской громады начался один из самых массовых судебнополитических

процессов в истории революционного движения в Западной Белоруссии. Среди 133 осужденных революционеров находились видные руководители компартии и комсомола Западной Белоруссии — В. Хоружая, Я. Черняк, Р. Вольф, Л. Ковенская, Л. Клышко-Малиновский, Э. Пилипенко, К. Басинский и др. [4, с. 593; 20, ф. 487, оп. 1, д. 118а, л. 25]. В своих выступлениях на суде они развенчали намерения буржуазных властей представить компартию в глазах народных масс как террористическую организацию, политика которой якобы расходится с интересами трудящихся.

В связи с политическими судебными процессами в Польше прокатилась волна митингов солидарности с польскими революционерами по всей стране. В марте 1928 г. второй Всеукраинский съезд МОПР призвал трудящихся республики увеличить помощь польским революционерам и их семьям [11, 1928, № 4, с. 15]. Особенно активно проходили митинги солидарности в тех городах, трудящиеся которых шефствовали над польскими политзаключенными. Так, в Херсоне 8—10 марта 1928 г. состоялись митинги протеста против буржуазного суда над польскими революционерами на заводах им. Старостина, «Металлист», в мастерских им. Коминтерна, им. Шмидта, на электростанции, в хлебопекарне, госпароходстве и др. [20, ф. 487, оп. 1, д. 129, л. 36—47]. На общегородской конференции МОПР рабочие Херсона решительно осудили политику буржуазных властей Польши. «Пусть помнят фашисты и поддерживающая их польская буржуазия, — отмечали рабочие мастерских им. Коминтерна, — что скоро скамьи подсудимых займут не рабочие и крестьяне Белорусской громады, а фашисты с их соратниками» [20, ф. 487, оп. 1, д. 129, л. 36]. Массовые кампании солидарности содействовали тому, что правительство Пилсудского и на этот раз не решилось применить смертную казнь к революционерам. Активные члены революционных организаций Б. А. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. П. Волошин, П. В. Метла, М. Бурсевич были осуждены на 12 лет тюремного заключения [4, с. 592].

Трудящиеся УССР оказывали также большую материальную помощь рабочим и крестьянам Западной Украины, которые страдали не только от политического и национального гнета польских властей, но и находились в тяжелейшем экономическом положении, усугублявшимся стихийными бедствиями. Весной 1926 г. населению Западной Украины, пострадавшему от наводнения, было передано около 95 тыс. р. [14, ф. 1, оп. 3, д. 126, л. 265]. На следующий год во время очередного наводнения была создана специальная комиссия для оказания помощи западноукраинскому населению. Через аппарат РАТАУ, издававшийся сборник «Советская Украина — Западной Украине» и «Литературную газету» комиссия информировала советских

трудящихся о положении западноукраинских крестьян. В результате развернулась активная кампания по оказанию помощи пострадавшим от наводнения. Так, в Полтаве на заседании окрисполкома было решено создать комитет для оказания систематической поддержки трудящимся Западной Украины [17, ф. 2038, оп. 5, д. 2, л. 113]. Президиум Кременчугского окрисполкома постановил ассигновать для поддержки пострадавшим 500 р. [Там же]. К концу 1927 г. трудящиеся Советской Украины путем подписных листов, карнавалов сборов, организации вечеров, лотерей, пожертвований и других мероприятий собрали в фонд помощи 65 тыс. р., а в январе 1928 г. — 75 тыс. На эти деньги были закуплены и посланы в Западную Украину 60 вагонов хлеба. Правительство УССР передало в фонд помощи западноукраинским крестьянам 50 тыс. р. [15, ф. 638, оп. 1, д. 66, л. 69; 16, ф. 2143, оп. 1, д. 71, л. 10; д. 69, л. 1—3, 16, 18; 19, ф. 1009, оп. 1, д. 210, л. 354—358].

Ухудшение экономического положения трудящихся Польши привело к новому обострению классовой борьбы. 17 сентября 1928 г. в Лодзи началась забастовка текстильщиков. В начале октября бастовало 120 тыс. чел., а 15 октября забастовка переросла во всеобщую, охватив до 200 тыс. чел. [6, с. 291]. — Подобных выступлений Польша не знала многие годы.

Бастовавший пролетариат обратился с призывом о помощи к ряду международных организаций. Однако Международное объединение профсоюзов на это обращение не откликнулось. Призыв лодзинских ткачей был встречен с пониманием Красным Интернационалом Профсоюзов и трудящимися Советского Союза [6, с. 292]. Президиум ВЦСПС заверил рабочих Польши в готовности советских трудящихся оказать им всестороннюю поддержку [9, 1928, 20 окт.]. Начался сбор средств в пользу лодзинских стачечников и их семей. ЦК Союза металлистов послал бастовавшим 10 тыс. р. [9, 1928, 23 окт.].

Трудящиеся Советской Украины активно включились в кампанию по оказанию помощи бастовавшим. С приветствием к лодзинским ткачам обратились делегаты VI пленума ВУСПС и Всеукраинской конференции текстильщиков [9, 1928, 23 окт.]. На заседании Президиума ЦК МОПР УССР 22 октября было утверждено воззвание ко всем членам МОПР с призывом оказать помощь бастовавшим в Лодзи. Этот же вопрос обсуждался на заседаниях окружных и районных организаций МОПР. Так, Сумской окркомитет МОПР 22 октября принял решение оказать материальную помощь бастовавшим ткачам в Польше путем подписных листов [18, ф. 453, оп. 1, д. 11, л. 25]. Рабочие сахарной промышленности Сумщины собрали по подписным листам 200 р. [18, ф. 4679, оп. 1, д. 180, л. 57]. В первые же дни всеобщей стачки профсоюзы УССР перечислили бастовавшим 5 тыс. р. [9, 1928, 23 окт.].

На всех предприятиях республики прошли митинги и собрания солидарности с текстильщиками Лодзи. Рабочие промышленных предприятий Винницы, Харькова, Сум, Луганска, Херсона и других городов отчислили 1% месячной зарплаты в фонд бастовавших [9, 1928, 23 окт.; 10, 1928, 25 окт.; 20, ф. 608, оп. 1, д. 241, л. 137; ф. 622, оп. 1, д. 232, л. 113].

Однако руководству пепезовских профсоюзов, отражавших интересы правящих кругов, удалось сорвать забастовку. 23 октября стачка была прекращена. [6, с. 292]. В Лодзи начались массовые аресты забастовщиков. В этот тяжелый момент рабочие УССР продолжали оказывать материальную помощь польским трудящимся. В фонд помощи рабочим Лодзи металлисты Артемовска отчислили 1% месячной зарплаты, железнодорожники Славянска отработали 1,5 ч., рабочие Свердловского соледрудника (Донбасс) перечислили половину дневной зарплаты [9, 1928, 25 окт.]. Всего же профсоюзы СССР перечислили в фонд помощи лодзинским текстильщикам 50 тыс. р. [13, ф. 5451, оп. 13а, д. 214, л. 135].

Трудящиеся Советской Украины приняли активное участие в кампаниях помощи политзаключенным Польши. Наиболее массовая кампания прошла в 1928 г., когда украинские рабочие установили шефство над всеми политзаключенными Польши. В воззвании делегатов III пленума ЦК МОПР УССР к политзаключенным Польши и Западной Украины указывалось, что трудящиеся Советской Украины помнят о своих братьях по классу и окажут им своевременную поддержку [8, 1928, 29 мая; 20, ф. 487, оп. 1, д. 109, л. 115]. В 1928 г. на заседании ЦК МОПР УССР рассматривался вопрос о проведении во всеукраинском масштабе книжной лотереи «На помощь политзаключенным Польши», организации специальных «мопровских киосков» в Харькове и Днепропетровске [11, 1928, № 5, с. 10—11]. Было предложено освещать ход кампании помощи политзаключенным Западной Украины в прессе, демонстрировать перед началом киносеансов и транслировать по радио материалы о белом терроре в Польше. Сроки проведения кампании были определены с 1 по 10 ноября 1928 г. [15, ф. 625, оп. 1, д. 60, л. 103]. В ноябре 1928 г. трудящиеся Днепропетровска передали в фонд помощи материальные ценности на сумму 6,2 тыс. р., поселка Попасное — на 4 тыс. р. [20, ф. 487, оп. 1, д. 109, л. 165; 8, 1929, 12 янв.]. Всего за первое полугодие 1928 г. советские мопровцы собрали для политзаключенных Польши 41,2 тыс. р., что составило около 14% общей суммы, перечисленной в фонд помощи политзаключенным зарубежних стран [13, ф. 8265, оп. 1, д. 18, л. 46].

В августе 1929 г. польские трудящиеся через своих делегатов выразили горячую благодарность рабочим и крестьянам Советской Украины за поддержку бастовавших рабочих Лодзи, политзаключенных и членов их семей [8, 1929, 10 авг.].

Таким образом, кампании солидарности с революционными трудящимися Польши имели четко выраженную классовую направленность и боевой характер. В этих кампаниях проявилась инициативность и высокая активность местных общественных организаций республики. В них участвовали все профессиональные отряды рабочего класса Советской Украины.

Основными формами моральной помощи трудящимся Польши в их борьбе за экономические, политические и национальные права являлись резолюции, заявления, приветствия, массовые манифестации, демонстрации, митинги, собрания. Рабочие УССР оказывали революционным борцам Польши материальную помощь путем внесения мопровских взносов, добровольных пожертвований, отчислений от зарплаты, отработки сверхурочных часов, сборов от постановки спектаклей, проведения карнавалов, лотерей, продажи значков, литературы и т. п.

Материальная и моральная помощь помогла трудящимся Польши в их борьбе за социальное и национальное освобождение, укрепила их веру в силу пролетарского интернационализма, способствовала установлению и укреплению постоянных форм интернациональных связей между трудящимися Польши и Советской Украины. Руководствуясь ленинским положением о подчинении «интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе» [1, т. 41, с. 166], трудящиеся Советской страны принимали активное участие в движении солидарности с революционной борьбой трудящихся Польши, выполняя тем самым свой интернациональный долг.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. 2. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стеногр. отчет. В 2-х т. М., 1961. Т. 1. 847 с. 3. Аврус А. И. МОПР в борьбе против террора и фашизма, 1922—1939 гг. Саратов, 1976. 264 с. 4. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. Минск, 1962. Т. 1. 620 с. 5. Движение международной солидарности трудящихся, 1924—1932 гг. К., 1980. 395 с. 6. История Польши: В 3-х т. М., 1958. Т. 3. 667 с. 7. Твердохліб В. Ю. Солідарність у боротьбі за визволення, 1917—1939 рр. Львів, 1978. 195 с. 8. Вісті. Орган ВУЦИК. 9. Кочегарка. Орган Артемовского окружкома КП(б)У, окрисполкома и окрпрофсовета. 10. Рабочая газета. Орган Винницкого окружкома КП(б)У, окрисполкома и окрпрофсовета. 11. Бюллетень Всеукраинского ЦК МОПР. 12. Червоний клич. Орган ЦК МОПР УССР. 13. ЦГАОР СССР. 14. ЦГАОР УССР. 15. Ворошиловградский облгосархив. 16. Одесский облгосархив. 17. Полтавский облгосархив. 18. Сумской облгосархив. 19. Харьковский облгосархив. 20. Херсонский облгосархив. 21. Lelt I. ... und nicht vergessen-die Solidarität! Aus der Geschichte der Internazionalen Roten Hilfe und der Roten Hilfe Deutschlands. B., 1960. 159 S.

Поступила в редколлегию 25.10.82.

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КЛАССОВОЙ
СТРУКТУРЕ ДОКОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА
УКРАИНЫ (1921—1929)**

Изучение классовой структуры советского доколхозного крестьянства предполагает не только выявление численного соотношения его основных социальных групп, но и анализ динамики расслоения крестьянских хозяйств, направлений и темпов классовой дифференциации. Необходимо также определить социально-экономическое содержание этого процесса. Сложным является вопрос выбора специфических методов изучения, с помощью которых можно охарактеризовать развитие классовой структуры советского доколхозного крестьянства.

Первые работы о классовой структуре доколхозного крестьянства Советской Украины появились в 20-е годы. В роли авторов выступали, как правило, не историки, а партийные и советские работники, экономисты, статистики. Источниковедческой базой их трудов являлись материалы социально-экономической статистики, разнообразные данные финансовых, земельных, профсоюзных органов. Наряду с попытками создания обобщающих работ по социальной истории крестьянства исследователи уделяли внимание изучению социальных итогов революционных аграрных преобразований и характера социально-экономических отношений, эволюции отдельных классовых групп крестьян. Вопрос о путях социального развития села в 20-е годы был по сути вопросом о перспективах социалистического преобразования сельского хозяйства. Поэтому проблема характера, темпов и направления развития классовой структуры крестьянства представляла собой предмет острой идейной борьбы.

Одним из первых исследователей классового состава советского доколхозного крестьянства была А. И. Хрящева, работы которой оказали влияние на часть украинских авторов. Приняв за основу своего исследования группировку крестьянских хозяйств по размерам посевной площади, она проанализировала социальную структуру советского крестьянства в 1921—1926 гг. [31]. Соглашаясь с мнением автора о сокращении численности кулацких и бедняцких хозяйств, отметим ошибочность утверждения о неустойчивости социально-экономического положения середняка в советской деревне, недооценку опасности роста кулачества.

Методику статистического изучения классовой структуры крестьянства путем выявления различных социально-экономических типов хозяйств предложил В. С. Немчинов [25]. По материалам выборочной («гнездовой») динамической переписи крестьянства в 1927 г. он охарактеризовал классовый состав крестьянства страны. В. С. Немчинов сделал закономерный и правильный вывод о сущности классовой дифференциации

советского доколхозного крестьянства: «Хотя кулачество и сумело использовать известную свободу развития индивидуальных хозяйств, предоставленную в интересах бедняcko-середняцких масс и общего подъема сельского хозяйства, но все же основной линией было укрепление «центральной фигуры земледелия» — середняка, происходившее на почве укрепления середняка и подъема до уровня середняка части бедноты» [25].

Среди работ украинских историков, посвященных рассматриваемой проблеме, особое место принадлежит работам М. Б. Гуревича [3]. Из-за уникальности использованного в них статистического материала они представляют несомненный интерес для современного исследователя. М. Б. Гуревич, как и А. И. Хрящева, для характеристики социальных прослоек крестьянства использовал группировку крестьянских хозяйств по размерам посевной площади, иногда в сочетании с группировкой по количеству голов рабочего скота. Это позволило выявить ведущие тенденции изменения социальной структуры крестьянства в 1917—1927 гг.—сокращение по сравнению с дооктябрьским периодом удельного веса хозяйств бедноты, батрачества и кулачества, устойчивый рост среднего крестьянства.

В 1927 г. вышла первая коллективная монография украинских историков, в которой прослеживается динамика изменения социальной структуры крестьянства в 1917—1926 гг. [9]. Однако дифференциация крестьянства анализируется авторами на основе не классовых, а экономических группировок.

Внимание исследователей привлекала также специфика развития различных элементов социальной структуры доколхозного крестьянства. Так, выделение форм капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве позволило Ю. Ларину выявить тенденцию медленного, но устойчивого роста кулачества на Украине в 1922—1927 гг. [20]. Обобщив данные статистического учета лиц наемного труда, А. Казаков указал на рост численности батраков в 1922—1927 гг. и сокращение масштабов применения наемного труда в крестьянских хозяйствах в 1927—1929 гг. [19]. Но в сравнительно обширной литературе этого периода не рассматривались социальные аспекты колхозного строительства. Лишь в 1930 г. М. Миронов отметил, что крестьяне-коллективисты олицетворяли новый, социалистический элемент классовой структуры крестьянства. Определяющей чертой социального облика нарождавшегося колхозного крестьянства он признавал обобществление средств производства, что сближало колхозников по главному классообразующему признаку с рабочим классом [23, с. 173].

В работах 20-х годов содержится богатый конкретно-исторический материал по социальной истории доколхозного крестьянства, описана методика изучения социально-экономической статистики применительно к динамике изменений социально-классовой структуры крестьянства. Большинство исследовате-

лей верно определили доминирующую черту развития классового состава крестьянства — осереднячивание. Вместе с тем не все вопросы рассматриваемой проблемы стали предметом изучения, что объясняется недостаточно широким кругом источников. Среди используемых источников преобладали статистические материалы, не отражавшие влияния политики Коммунистической партии, советского законодательства, революционно-преобразующей деятельности рабочего класса на эволюцию социально-классовой структуры доколхозного крестьянства. Неравномерно освещались различные периоды развития классовой структуры крестьянства, в частности 1927—1929 гг., когда развернулась непосредственная подготовка сплошной коллективизации и классовая дифференциация крестьянства имела существенные особенности. Все эти недостатки не позволили создать стройную концепцию изменения социально-классовой структуры доколхозного крестьянства.

В 30—50-е годы интерес к проблемам социальной структуры доколхозного крестьянства заметно снизился, так как в центре внимания исследователей находились вопросы истории колхозного крестьянства. Тем не менее в некоторых работах продолжалось накопление и определенное обобщение материалов по социально-классовой структуре доколхозного крестьянства Украины. В работе А. Е. Ариной, Г. В. Котова и К. В. Лосевой показаны изменения классового состава крестьянства Мелитопольского района в 1885—1938 гг. [1]. Важным является то, что авторы хронологически продолжили анализ классовой структуры крестьянства Мелитопольского уезда, содержащийся в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В статье И. Л. Шермана охарактеризованы социально-экономические отношения в доколхозном селе [33].

Примечательной чертой этого периода стало появление первых в советской историографии обобщающих трудов по социально-экономической истории доколхозного крестьянства Украины. В литературе освещались такие вопросы, как развитие кооперации, помощь государства трудящемуся крестьянству, колхозное строительство, политика ограничения и вытеснения кулачества и др. [2; 17].

На современном этапе развития советской историографии расширилась источниковедческая база исследований, что в сочетании с возросшим методологическим уровнем исторической науки, новыми методами обработки социально-экономической статистики позволило повысить научный уровень большинства работ. В этот период происходит активное творческое освоение ленинского наследия. Так, Ю. А. Поляков, детально проанализировав ленинскую концепцию классового расслоения после победы Октября, сделал вывод, что В. И. Ленин первым вскрыл, обосновал и показал процесс расслоения крестьянства в условиях диктатуры пролетариата [27]. Спектр изучения этого

вопроса разнообразен: В. И. Ленин о социальных итогах революционных аграрных преобразований и причинах классового расслоения крестьянства; о классовой природе, социальном облике крестьянства в целом и его отдельных социально-классовых групп; роли диктатуры пролетариата в регулировании социальных процессов на селе [24; 28]. Методологическим основам изучения и исторической реконструкции классовой структуры советского общества посвящена работа В. М. Селунской [29].

Достижения советской историографии в разработке социальной истории нашего общества позволили создать обобщающий коллективный труд, посвященный изменениям социальной структуры советского общества с 1921 до середины 30-х годов [14]. В монографии подчеркнуто, что развитие классовой структуры общества в годы социалистического строительства — это не стихийный, а сознательно управляемый процесс, который зависит от характера, темпов и методов социалистических преобразований. Авторы обстоятельно охарактеризовали основные классовые группы крестьянства. Однако специфика классового расслоения крестьянства некоторых районов страны, в частности Украины, осталась вне поля зрения авторов.

Изучению истории социально-экономических отношений, в том числе социальной структуры советской доколхозной деревни, посвящены работы В. П. Данилова [4]. По его мнению, для социального строя доколхозной деревни характерно сложное сочетание нескольких социально-экономических укладов: капиталистического, мелкобуржуазного, социалистического и переходного к социалистическому, причем их соотношение на разных этапах нэпа не было одинаковым. Последовательно прослеживая эволюцию различных групп крестьянства в годы нэпа, В. П. Данилов детально исследует классовый состав крестьянства, в том числе на Украине, в 1927—1929 гг.

Регулирующее воздействие политики Коммунистической партии на ход социальных процессов на селе отражено в многотомной истории КПСС, в очерках истории Коммунистической партии Украины [15; 26]. Претворению в жизнь ленинской аграрной политики на Украине посвящена монография Б. К. Мигалы [22]. Автор показал причины, обусловившие классовое расслоение крестьянства. В монографии впервые освещены такие вопросы, как конфискация излишков земли у кулаков, всесторонняя помощь трудящемуся крестьянству. В некоторых статьях исследуется политика Коммунистической партии Украины по отношению к различным классовым группам доколхозного крестьянства [10; 11].

Социальная характеристика доколхозного крестьянства дана в коллективной монографии, посвященной социалистическому переустройству сельского хозяйства Украины [30]. В ней указаны причины зависимости между процессом классового рас-

слоения и интенсивностью колхозного строительства, социальным составом его участников.

Центральной проблемой фундаментального исследования по истории крестьянства УССР является история крестьянства как класса. В работе дан анализ социальных итогов аграрной революции, показан классовый состав крестьянства, в частности освещен вопрос о численности кулачества накануне массовой коллективизации [16].

Существенный вклад в изучение социального развития доколхозного крестьянства внесло многотомное исследование по истории УССР [18]. Используя уже введенный в научный оборот фактический материал и привлекая новые источники, коллектив авторов охарактеризовал социальные изменения в крестьянстве в первые годы нэпа, роль кооперации и КНС в избавлении трудящегося крестьянства от кулацкой кабалы. Отличительной чертой издания является освещение ведущей роли рабочего класса в прогрессивных сдвигах социального состава крестьянства.

Социальная структура доколхозного крестьянства Украины рассматривается в работах П. М. Денисовца [6—8]. Автор проанализировал основные этапы развития социально-классовой структуры крестьянства и подчеркнул взаимосвязь процессов классовой дифференциации и производственного кооперирования. Вполне обоснованным представляется вывод П. М. Денисовца, что «общей доминирующей линией развития вплоть до победы социалистических отношений в деревне было осередничивание крестьянства» [8, с. 149].

На состоявшейся в 1982 г. республиканской научной конференции «XXVI съезд о развитии социально-классовой структуры советского общества в условиях социалистического и коммунистического строительства», рассматриваемой проблеме было посвящено семь докладов, что свидетельствует об интенсивной разработке темы [5]. В проблемном докладе С. В. Кульчицкого были подведены итоги изучения социальной структуры крестьянства и намечены новые задачи, возникающие в связи с подготовкой двухтомного труда по истории советского крестьянства Украины [5, с. 29—33]. И. К. Рыбалка охарактеризовал классовый состав крестьянских хозяйств периода гражданской войны и первых лет нэпа. Для освещения данного вопроса он привлек новые материалы о расслоении крестьянства [5, с. 155—158]. Используя новые статистические данные о социальном положении крестьян Полесья, И. Д. Мазур показал особенности его классового состава [5, с. 164—167].

В работах по истории колхозного строительства в 1921—1929 гг. исследователи уделяли внимание таким вопросам, как зарождение нового социалистического класса — колхозного крестьянства, его численность, удельный вес крестьян-коллективистов в общей массе крестьянства, социальный состав

участников колхозного движения и др. [7; 32]. В статье А. П. Ермака впервые дан комплексный анализ развития колхозного крестьянства Украины как социальной общности [12]. В ряде работ освещены деятельность Коммунистической партии, профсоюза сельхозлесрабочих по классовому сплочению пролетарских элементов в крестьянстве, численность и социальный облик батрачества [13; 21].

Таким образом, в советской историографии накоплен и в значительной степени обобщен большой конкретно-исторический материал по рассматриваемой проблеме, создана стройная концепция эволюции классовой структуры доколхозного крестьянства, определена социально-экономическая сущность процесса классового расслоения крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. Однако преобладающая часть работ хронологически и тематически не охватывает все вопросы данной проблемы. Такие вопросы, как классовая структура крестьянства в первые годы нэпа и накануне массовой коллективизации, социальный облик бедноты, батрачества и кулачества, формирование нового социалистического класса — колхозного крестьянства и другие, требуют дальнейшего исследования.

Список литературы: 1. Арина А. Е., Котов Г. В., Лосева К. В. Социально-экономические изменения в деревне Мелитопольского района. 1885—1938 гг. М., 1939. 407 с. 2. Бондаренко В. В. Развитие общественного хозяйства колхозов Украины в годы довоенных пятилеток. Киев, 1957. 442 с. 3. Гуревич М. Б. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. Очерки 1—3. Харьков, 1925; *Его же*. Питання сучасного селянського господарства України. Харків, 1927. 182 с. 4. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 319 с.; *Его же*. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. 359 с. 5. XXVI съезд КПСС о развитии социально-классовой структуры советского общества в условиях социалистического и коммунистического строительства. Респ. науч. конф. Тезисы докладов и сообщений. Донецк, 1982. 202 с. 6. Денисовец П. М. К вопросу о социальном расслоении крестьянства Украины в восстановительный период (1921—1925 гг.). — Ист. зап., 1967, т. 80, с. 104—126. 7. Денисовец П. М. Колгоспне будівництво на Україні в 1921—1925 рр. Харків, 1969. 154 с. 8. Денисовец П. М. 8. Влияние нэпа на социальные процессы в украинском селе (1921—1929 гг.). — В кн.: Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974, с. 148—153. 9. Диференціація селянських господарств на Україні. Харків, 1927. 236 с. 10. Євсєєв Є. Т. Економічні заходи Компартії України по зміцненню бідняцько-середняцьких господарств (1925—1929 рр.). — УІЖ, 1980, № 1, с. 92—97. 11. Ермак О. П. Політика Комуністичної партії щодо залишків капіталістичних елементів на початку реконструктивного періоду. — УІЖ, 1973, № 4, с. 46—54. 12. Ермак А. П. Колхозное крестьянство Украинской ССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства. 1981, с. 122—132. 13. Ермак А. П. Батрачество Украинской ССР в период построения фундамента социализма (1926—1932 гг.). — Вopr. истории СССР, 1981, вып. 26, с. 56—64. 14. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — сер. 30-х годов. М., 1979. 343 с. 15. Історія Комуністичної партії Советського Союзу. М., 1970. Т. 4. Кн. 1. 663 с. 16. Історія селянства Української РСР. Київ, 1967. Т. 2. 534 с. 17. Історія Української РСР. Київ, 1957. Т. 2. 779 с. 18. Історія Української РСР. Київ,

1977. Т. 6. 527 с. 19. Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.; Л., 1930. 181 с. 20. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927. 312 с. 21. Лях Р. Д. Сільськогосподарські робітники України та їх профспілкова організація. Всеробітземліс в 1920—1925 рр. — Питання історії народів СРСР, 1972, вип. 14, с. 26—34. 22. Мигаль Б. К. Здійснення аграрної політики на Україні у відбудовний період (1921—1925 рр.). Харків, 1974. 167 с. 23. Миронов М. Социальные категории в советской деревне. — Под знаменем марксизма, 1930, № 9, с. 163—173. 24. Найденов М. Е. Социальные итоги Великой Октябрьской социалистической революции в трудах В. И. Ленина. — Вестн. МГУ, 1974, № 1, с. 3—20. 25. Немчинов В. С. Советская деревня накануне развернутого социалистического наступления. — В кн.: Социалистическое переустройство сельского хозяйства между XV и XVI съездами ВКП(б). М.; Л., 1932, с. 50—82. 26. Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1977. 814 с. 27. Поляков Ю. А. В. И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. — В кн.: Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1960, с. 329—391. 28. Селунская В. М. Разработка В. И. Лениным вопросов классовой структуры советского общества переходного периода. — История СССР, 1970, № 2, с. 20—35. 29. Селунская В. М. Методологические вопросы исторического исследования социальной структуры советского общества. М., 1977. 64 с. 30. Соціалістична перебудова і розвиток сільського господарства Української РСР. Київ, 1967. Т. 1. 511 с. 31. Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. 172 с. 32. Чмыга А. Ф. Колхозное движение на Украине (1917—1929 гг.). Очерки истории. М., 1974. 381 с. 33. Шерман I. Л. До історії колгоспного руху на Україні в 1921—1929 рр. — Наук. зап. Харк. пед. ін-ту, 1949, т. XI, с. 3—45.

Поступила в редакцію 13.11.82.

М. З. БЕРДУТА, канд. ист. наук

СОВЕТЫ УКРАИНЫ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (60—80-е годы)

Построение в СССР зрелого социалистического общества неразрывно связано с активной творческой деятельностью Советов народных депутатов, которые составляли политическую основу нашего общества. По определению В. И. Ленина, «Советы сближают государственный аппарат с трудящимися массами» [1, т. 38, с. 93], «работают всецело на осуществление интересов масс» [1, т. 35, с. 110], поднимая к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов трудящихся [1, т. 42, с. 140].

В современных условиях развития социалистической демократии и возрастания роли Советов как органов государственной власти, Коммунистическая партия, основываясь на ленинских принципах развития Советов, разработала мероприятия, направленные на расширение полномочий Советов, повышение их роли, совершенствование демократических принципов их деятельности, ответственности и авторитета. Основные направления деятельности Советов были изложены на XX и последующих съездах партии, в ряде постановлений ЦК КПСС.

Огромную роль в активизации деятельности местных Советов сыграли октябрьский, ноябрьский (1964 г.) и последующие пленумы ЦК КПСС.

Важное значение для дальнейшего совершенствования деятельности Советов народных депутатов, расширения их прав и функций имеет Конституция СССР. В ней отражены возросшая роль, широкая компетенция Советов как полномочных органов народовластия в центре и на местах. В соответствии с Конституцией Советы депутатов трудящихся были преобразованы в Советы народных депутатов. «Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР», — гласит ст. 2 Конституции СССР. Значительно расширяет полномочия Советов и их органов по вопросам экономического и социального развития страны постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 19 марта 1981 г. «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» [3].

Всестороннее изучение и обобщение богатого опыта советского строительства, работы Советов как в целом по стране, так и в УССР, является одной из важнейших задач исследователей. На первоочередность разработки актуальных проблем государственного строительства, развития социалистической демократии, вопросов организации и деятельности Советов указывалось в постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» [2, с. 350]. Эта задача приобретает особую актуальность на современном этапе, в условиях обострения идеологической борьбы, когда основные положения марксизма-ленинизма об общественном развитии, вопросы социалистической государственности, демократии подвергаются яростным нападениям буржуазных идеологов.

Литературу о Советах периода развитого социализма можно условно разделить на следующие группы. Во-первых, исследования, в которых освещаются правовые основы советского государства, место и роль Советов в системе органов государственной власти, основные направления совершенствования их организационно-массовой работы; во-вторых, — многогранная деятельность КПСС по руководству Советами, утверждению ленинских принципов взаимоотношений партии и органов народной власти, различные вопросы конкретной работы Советов как в целом по стране, так и в Украинской ССР на этапе развитого социализма; в третьих, — деятельность местных Советов на Украине в целом и в отдельных ее областях.

Историографических исследований по рассматриваемой проблеме мало. В основном это статьи обзорного характера, в которых анализируется литература 60 — начала 70-х годов о деятельности Советов в масштабах страны в целом [7].

В данной статье предпринята попытка проанализировать литературу, посвященную вопросам советского строительства, деятельности местных Советов, партийного руководства Советами в Украинской ССР в период развитого социализма (60-е — начало 80-х годов).

В 60—80-е годы заметно активизировалось изучение рассматриваемой проблемы. В материалах XXII съезда КПСС и в Программе партии содержатся теоретические положения и практические рекомендации по вопросам развития социалистической государственности и демократии в период развитого социализма. В начале 60-х годов появились работы, посвященные различным аспектам деятельности Советов в период коммунистического строительства [15]. Основное внимание исследователи уделяли таким вопросам, как становление общенародного государства, перспективы развития социалистической государственности, партийное руководство Советами, их организационно-массовая деятельность, формы и методы работы Советов в рассматриваемый период. Однако, как уже отмечалось в литературе, в некоторых работах были сделаны необоснованные выводы об отмирании государственных органов (Советов) в нашей стране уже в начале 60-х годов и их превращении в общественные организации, органы народного самоуправления.

Во второй половине 60-х и особенно в 70-е — начале 80-х годов продолжалось дальнейшее изучение различных сторон деятельности Советов в целом по стране, в том числе и на Украине [6].

Среди работ, в которых анализируется деятельность Советов в масштабе всей страны, большой интерес представляют коллективное исследование «Советы за 50 лет» и монография А. И. Лепешкина [16]. В этих работах на большом документальном материале впервые в нашей литературе наиболее полно показаны процесс развития и деятельность местных Советов, обобщен опыт советского строительства, накопленный в стране за 50 лет Советской власти. Однако главы, посвященные деятельности Советов в период развитого социализма, носят описательный характер.

Вопросы совершенствования сессионной деятельности местных Советов, повышения роли их постоянных комиссий рассматриваются в коллективной монографии «Местные Советы на современном этапе» [12]. Авторы правильно отмечают, что в результате мероприятий Коммунистической партии местные Советы стали самостоятельно решать многие вопросы, связанные с руководством подведомственных хозяйств, теснее взаимодействовать с предприятиями, учреждениями и организациями республиканского и союзно-республиканского значения [12, с. 77]. В работе рассматриваются также организационно-

правовые вопросы деятельности Советов, даются практические рекомендации.

В коллективном исследовании В. В. Цветкова, Л. П. Юзькова и О. Р. Фрицкого [17] показаны роль местных Советов в коммунистическом строительстве, постоянная забота партии об укреплении Советов компетентными, политически зрелыми работниками, способными решать сложные и масштабные задачи коммунистического строительства. Авторы отмечают, что в период развитого социалистического общества происходит дальнейшее возрастание роли Советов, деятельность которых как органов народной власти поднимается на новый, более высокий уровень, соответствующий новым историческим условиям. Важное место в работе отводится вопросам качественных изменений в депутатском составе, происшедших в 60-е годы. Авторы указывают, что успешная деятельность исполнительных комитетов в значительной степени зависит от уровня общеобразовательной и специальной подготовки, опыта каждого депутата и работника аппарата управления местных Советов. Приведенная в работе таблица, охватывающая 1957—1969 гг., свидетельствует, что за это время на Украине количество работников исполкомов местных Советов с высшим образованием возросло в 1,8 раза; со средним — почти в 2 раза; более чем в 3 раза уменьшилось количество работников с неполным средним и начальным образованием [17, с. 393]. Авторы приходят к выводу, что данный уровень образования советских работников еще нельзя считать удовлетворительным. В 1969 г. лишь 24,7% членов исполкомов Советов Украины имели высшее образование, а среди председателей — 11,9% [17, с. 67]. Наряду с этим авторы подвергают справедливой критике административно-территориальную реформу 1962 г., которая отрывала промышленное производство от сельскохозяйственного в границах одного района. Механическое объединение нескольких районов значительно усложнило процесс хозяйственного руководства, сковывало инициативу, затрудняло обслуживание отдельных районов [17, с. 265].

В работе И. И. Политова исследуется важный и слабо изученный вопрос о роли местных Советов в развитии местной промышленности [14]. Благодаря активной работе местных Советов предприятия местной промышленности республики уже в восьмой пятилетке выпускали около 10 тыс. наименований различных изделий, а всего было освоено более 5 тыс. видов и моделей изделий [14, с. 25]. Большое место в работе отведено мероприятиям партии и правительства, направленным на улучшение работы Советов и повышение их роли в решении народнохозяйственных задач.

Дальнейшее развитие социалистической государственности неразрывно связано с деятельностью Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества.

Этой проблеме посвящено значительное количество работ [8]. Особый интерес представляет монография Г. Б. Куликовой [10], в которой впервые столь широко исследуются вопросы организации и деятельности Советов, развития их демократических основ, процесса их совершенствования в период развитого социализма. В основу исследования положены материалы местных Советов страны в целом. Наряду с этим в работе содержатся данные о деятельности местных Советов Украины.

Многогранная деятельность Коммунистической партии по руководству Советами, утверждению ленинских принципов взаимоотношений партии и органов народной власти на различных этапах социалистического и коммунистического строительства рассматривается в коллективной монографии «Партия и Советы» [13]. В разделе «Партия и Советы на этапе развитого социализма» авторы показали, как на основе ленинских идей, глубокого анализа конкретно-исторической обстановки партия успешно осуществляет курс на дальнейшее последовательное расширение и совершенствование всех сторон деятельности Советов. «Убедительным свидетельством правильности осуществляемого КПСС курса на повышение роли Советов, — отмечено в работе, — является тот факт, что советские люди все активнее участвуют в управлении государственными и общественными делами» [13, с. 210]. Большое внимание авторы уделили кадровой политике КПСС в государственном строительстве, качественному составу депутатов и руководителей советских органов. В работе содержится материал о деятельности местных Советов Украины, приводятся конкретные примеры по Днепропетровской, Донецкой, Львовской областям.

В ряде работ освещаются различные вопросы деятельности местных Советов в отдельных областях республики [11]. В основном это небольшие монографии, брошюры, статьи. Они ценны тем, что в них использован конкретный материал, показан опыт советского строительства на местах, раскрыта многогранная деятельность местных Советов на различных участках хозяйственной и культурной жизни. Их авторы, как правило, руководящие партийные и советские работники. Однако в этих работах зачастую отсутствуют обобщающие выводы, не всегда анализируется деятельность Советов, постоянных комиссий и других общественных органов, которые принимают активное участие в решении важнейших народнохозяйственных вопросов. Исключением в этом плане являются статьи А. Ф. Ватченко [5]. Автор на основе трудов В. И. Ленина, богатом фактическом материале анализирует процесс дальнейшего возрастания роли Советов, обусловленный общими закономерностями движения нашей страны по пути к коммунизму, мощным подъемом экономики и культуры, развитием социалистической демократии, коммунистических начал в общественной жизни, повышением политической сознательности широких народных масс. В статьях

правильно подчеркивается, что в период развитого социализма вся деятельность Советов как органов народной власти поднимается на новый, более высокий уровень. Поэтому особое значение приобретает научный комплексный подход Советов к решению важнейших проблем экономического и социально-культурного развития страны. В статьях приводятся данные о работе местных Советов ряда областей Украины, указываются недостатки, упущения в работе некоторых из них, даются практические рекомендации. Большое внимание уделяется совершенствованию форм, методов, стиля работы Советов.

Деятельности местных Советов Украины в годы девятой пятилетки посвящена статья Я. Я. Колотухи [9]. Автор впервые показывает роль местных Советов в выполнении пятилетних планов развития народного хозяйства, качественные сдвиги в составе органов государственной власти, происшедшие после XXIV съезда партии. В статье охарактеризованы мероприятия КПСС, направленные на дальнейшее совершенствование работы Советов. В работе Г. В. Атаманчук и А. В. Кушнеревой [4] рассматривается практическая деятельность местных Советов Львовщины в области промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства.

Деятельность Советов в период развитого социализма отражена в многочисленных статьях, опубликованных в журналах «Советы депутатов трудящихся», «Советское хозяйство и право», «Коммунист Украины», «Коммунист», «Радянське право» и др. Эти публикации способствуют активизации научно-исследовательской работы по изучению рассматриваемой проблемы.

Таким образом, деятельность Советов в период развитого социализма достаточно широко освещена в литературе. Однако отметим, что большая часть работ по рассматриваемой проблеме принадлежит юристам. Активное изучение проблемы истории начинается с середины 60-х годов. Основное внимание уделяется вопросам повышения роли местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве, совершенствования демократических основ деятельности Советов, форм и методов их работы, повышения общественной активности советских людей. На первый план выдвигаются вопросы многогранной деятельности Коммунистической партии, направленной на повышение роли и авторитета Советов, расширение их полномочий. Литература 70-х—начала 80-х годов отличается от предшествующей более высоким научным уровнем и широкой источниковедческой основой. За последние 10—12 лет значительно увеличилось количество работ, освещающих деятельность местных Советов в отдельных областях Украинской ССР.

Однако необходимо более детально исследовать организационные формы деятельности местных Советов и их органов, вопросы взаимоотношений местных Советов и предприятий союзного и республиканского подчинения. Слабо изучены учас-

тие рабочего класса в работе Советов, формы партийного руководства ими, деятельность партийных групп исполкомов, постоянных комиссий и других организаций, действующих под руководством местных Советов.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972. Т. 9. 527 с. 3. *СП СССР*, № 13, с. 350—354. 4. Атаманчук Г. В., Кушнерева А. В. Місцеві Ради — органи господарського і культурного будівництва. Львів, 1971. 147 с. 5. Ватченко А. Ф. Руководить, направлять, учить. — В кн.: Совершенствовать работу Советов. М., 1978, с. 25—41; его же. Утверждать ленинский стиль у работ Рад. — В кн.: Зростання ролі Рад у комуністичному будівництві. К., 1980, с. 3—31. 6. *Вопросы работы Советов депутатов трудящихся*. М., 1968. 551 с.; Павловский Р. С. Местные Советы депутатов трудящихся и промышленность. Харьков, 1966. 32 с.; *Советы депутатов трудящихся и развитие социалистической демократии*. М., 1976. 431 с.; *Місцеві Ради Української РСР і комуністичне будівництво*. К., 1970. 243 с. 7. Демочкин Н. Н., Куликова Г. Б. Советы в период коммунистического строительства в историографии 1956—1970 гг. — *Вопр. истории*, 1971, № 11, с. 3—15; Федоринов Е. И. Руководство КПСС Советами — объект историко-партийных исследований. — *Вопр. истории КПСС*, 1974, № 12, с. 86—95; Бойченко І. К., Шерман І. Л. Місцеві Ради депутатів трудящих у період розвинутого соціалізму. — *УІЖ*, 1975, № 5, с. 130—134; Бойченко І. К. Радянське будівництво на Україні (1936—1970 рр.) в сучасній історіографії. — *Питання історії РСР*, 1974, вып. 17, с. 84—89. 8. *КПСС и массовые организации трудящихся в период строительства коммунизма*. М., 1970. 253 с.; Орлов И. М. Деятельность КПСС по повышению роли Советов в строительстве коммунизма. М., 1973. 112 с.; Савко А. П. Партийное руководство Советами в период строительства коммунизма. М., 1973. 187 с.; Власкін П. О. До питань про роботу партійних організацій з кадрами місцевих Рад на Україні. — *УІЖ*, 1966, № 5, с. 39—44; Колотуха Я. Я. Ради — органи справжнього народовладдя. К., 1981. 70 с.; Селівон М. Ф. Влада Рад — влада народу. К., 1978. 94 с.; *Культинський В. Л.* Депутатська група та її функції. К., 1979. 70 с. 9. Колотуха Я. Я. Діяльність Рад депутатів трудящих Української РСР у роки дев'ятої п'ятирічки. — *УІЖ*, 1976, № 2, с. 14—26. 10. Куликова Г. Б. Демократические основы деятельности местных Советов в развитии социалистического общества. М., 1978. 366 с. 11. Манешин В. С. Общественные организации трудящихся. Харьков, 1962. 160 с.; *Местные Советы на новом этапе*. Харьков, 1965. 124 с.; *Местные Советы за работой*. Днепропетровск. 1967. 167 с.; Цесаренко И. Г. Местные Советы и актив. Харьков, 1968. 106 с.; Асеев В. І. Ради і добробут трудящих. З досвіду роботи місцевих Рад Донецької області. Донецьк, 1975. 54 с.; Филоненко В. М. Актив районного Совета. Из опыта работы Советов депутатов трудящихся Днепропетровска. Днепропетровск, 1977. 70 с.; Бабич Ю. П. Советы и промышленное производство. К., 1978. 48 с.; *Совершенствовать работу Советов*. М., 1978. 397 с. 12. *Местные Советы на современном этапе*. М., 1965. 351 с. 13. *Партия и Советы*. М., 1982. 352 с. 14. *Політов І. І.* Місцеві Ради і місцева промисловість. Львів, 1974. 146 с. 15. *Советы депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма*. М., 1961. 392 с.; Моздир С. М., Федонюк К. Є. Організаційно-масова діяльність місцевих Рад депутатів трудящих Української РСР. Львів, 1961. 155 с.; Бортнічук Т. М. Підвищення ролі громадських організацій в період розгорнутого будівництва комунізму. — *УІЖ*, 1961, № 6, с. 31—40; Гараго-вич І. Г. Місцеві Ради в боротьбі за семирічку. Ужгород, 1961. 87 с.; Берхин И. Б. К общенародному государству. М., 1963. 48 с.; Черемных П. С. От диктатуры пролетариата к общенародному государству. М., 1963. 119 с.; Советская социалистическая демократия. М., 1964. 358 с. 16. *Советы за*

50 лет. М., 1967. 495 с.; Лепешкин А. И. Советы — власть народа. М., 1967. 375 с. 17. Цветков В. В., Юзков Л. П., Фрицкий О. Р. Наука управления і місцеві Ради. К., 1970. 437 с.

Поступила в редколлегию 25.10.82.

Р. И. ШЕВЧЕНКО, канд. ист. наук

**РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ПРОПАГАНДЫ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ
И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ
В 1961—1966 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СМЕЖНЫХ
ОБЛАСТЕЙ РСФСР И УССР)**

В. И. Ленин, подчеркивая важность патриотического и интернационального воспитания молодежи, писал: «...молодежь рабочего класса должна воспитываться в духе социализма и в сознании братства народов» [1, т. 16, с. 75]. В период развитого социалистического общества ленинские слова приобретают еще большую актуальность. В патриотическом и интернациональном воспитании молодежи немаловажную роль играют средства массовой информации и пропаганды — печать, радио, телевидение, которые активно влияют на формирование общественного мнения. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что партия заинтересована в том, «чтобы наши средства массовой информации и пропаганды всегда были подлинной трибуной партийного и общенародного мнения» [3, с. 95].

Использованию этих средств в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся посвящены работы, авторы которых внесли значительный вклад в разработку данной проблемы [8]. Однако еще недостаточно освещена роль печати, радио и телевидения в патриотическом и интернациональном воспитании молодежи, особенно учащихся. В настоящей статье предпринята попытка показать роль средств массовой информации и пропаганды в патриотическом и интернациональном воспитании учащейся молодежи в период между XXII и XXIII съездами КПСС на материалах смежных областей УССР и РСФСР — Харьковской, Сумской, Белгородской и Курской.

XXII съезд КПСС поставил большие задачи по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи [2, с. 223—226]. Программа КПСС, принятая на съезде, выдвинула моральный кодекс строителя коммунизма, первым принципом которого является «преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма» [2, с. 317]. Руководствуясь решениями XXII съезда КПСС, партийные организации смежных областей РСФСР и УССР повседневно направляли деятельность редакций местных газет, радиовещания и телевидения на усиление работы по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи. Важную роль